

НИКОЛАЙ БАЙКОВ

В дѣбрях
Маньчжурши

Николай Байков
В дебрях Маньчжурии

«СОЮЗ»

Байков Н. А.

В делях Маньчжурии / Н. А. Байков — «СОЮЗ»,

ISBN 978-5-6048352-9-6

Эта книга является плодом личных наблюдений, переживаний и впечатлений автора во время его многолетних скитаний по горам и лесам Маньчжурии. Она только слегка приподнимает завесу, скрывающую от взоров культурного человека интересный мир, полный таинственной романтики и очарования. Этот мир, ныне отживающий, сохранился еще во всей своей неприкосновенности там, где стоят, нетронутые рукой человека, девственные первобытные леса и простираются на сотни километров дикие пустыни. С проникновением в край культуры, площади этих лесов сокращаются и исчезает прекрасная первозданная природа, а с нею тот оригинальный мир, который в настоящее время является реликтовым остатком древнейших эпох истории человечества. Николай Аполлонович Байков (29 ноября (11 декабря) 1872, Киев – 6 мая 1958, Брисбен, Австралия) – военный, писатель и натуралист. Перу Н. Байкова принадлежит свыше 300 работ, его имя получило международную известность. Он считается крупнейшим специалистом по маньчжурским тиграм, произведения Николая Байкова переведены на многие европейские и восточные языки.

ISBN 978-5-6048352-9-6

© Байков Н. А.

© СОЮЗ

Содержание

Предисловие	6
Жертва горному духу	7
Волшебный стрелок	14
Призрак смерти	17
Тигровая ночь	22
За женьшенем	25
Людоед	30
Таинственные знаки	33
Встреча с хунхузами	35
Легенда дремучего леса	41
Дикий охотник	44
Варнаки	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Байков

В дебрях Маньчжурии

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Предисловие

Эта книга является плодом личных моих наблюдений, переживаний и впечатлений во время многолетних скитаний по горам и лесам Маньчжурии. Она только слегка приподнимает завесу, скрывающую от взоров культурного человека интересный мир, полный таинственной романтики и очарования. Этот мир, ныне отживающий, сохранился еще во всей своей неприкосновенности там, где стоят, нетронутые рукой человека, девственные первобытные леса и простираются на сотни километров дикие пустыни.

С проникновением в край культуры, площади этих лесов сокращаются и исчезает прекрасная первозданная природа, а с нею тот оригинальный мир, который в настоящее время является реликтовым остатком древнейших эпох истории человечества.

АВТОР

Жертва горному духу

Первобытные, дикие леса юго-восточной Маньчжурии, занимающие обширные площади Гириньской провинции, хранят еще в таинственных недрах своих древний отживший мир тех отдаленных времен, когда, в смертельной борьбе за существование, человек отстаивал свою жизнь и место свое на земле.

Леса эти тянутся на сотни километров и заливают тёмно-зелёными волнами своими горные хребты, долины рек и высокие плоскогорья. Как безбрежное бурное море, шумят они, и эта дикая песня тайги напоминает о былом, давнопрошедшем.

У местных жителей леса эти известны под именем «Шу-Хай», т. е. Лесное море.

Северо-Маньчжурская железная дорога пересекла их поперек, с северо-запада на юго-восток, и внесла в их дремучие дебри новую жизнь, современную культуру и могучие достижения технической науки.

Но в самых отдаленных уголках Шухая, куда не проник еще культурный человек со своими хитроумными машинами, царит еще древний языческий бог первобытных лесов и диктует всему живущему свою непреклонную жестокую волю, которая сказывается во всем укладе жизни и быте обитателей тайги.

Здесь свой особый, мир, который ничего не имеет общего с тем миром, в котором живете Вы, мой любезный читатель.

Здесь нет места людям, слабым духом и телом. Праздность и беспечность не созданы для обитателя леса, их не должен знать бродяга лесной; праздность ослабляет силы, беспечность ведет прямо к смерти...

Тайга – это стихия, полная жизни, где совершаются бесконечные биологические процессы, возникают и погибают различные формы, где смерть сменяет жизнь и жизнь зарождается в смерти. Природа здесь уравновешена и гармонична во всех частях; ее законы последовательны и логичны, и суровы: до жестокости; всякий, нарушающий их, становится «вне закона» и погибает безусловно, уступая свое место более – сильному, приспособленному.

Таежная жизнь выработала особый кодекс неписанных законов, опирающихся на своеобразные обычаи, ведущие свое происхождение от древнейших времен, когда человечество не знало еще общественности и социальный строй его находился на самой низкой ступени развития.

Это закон тайги, суровый и беспощадный.

Здесь своя лесная мораль, своя этика и свой оригинальный принцип справедливости и возмездия.

Тягчайшим преступлением здесь является не убийство, но воровство и карается высшей мерой, т. е. смертью.

Таежный суд быстр и неопровержим.

Потерпевший обыкновенно является свидетелем; судьями избираются ближайшие соседи.

Приговор приводится в исполнение немедленно.

Уличенного в воровстве обычно закапывают живым в землю, причем яму копают все сообща, кроме осужденного.

Перед казнью преступника напаивают до бесчувствия ханшином, такова традиция.

Зимой же, когда земля промерзает на два метра, и выкопать яму не представляется возможным, осужденного отдают на растерзание тиграм, для чего привязывают его к стволу дерева на тигровой тропе, т. е. в том месте, где постоянно ходят эти хищники, при совершении своих охотничьих экскурсий.

Дерево это и место, где был растерзан человек, считается у таежных жителей священным. Здесь ставится кумирня в честь тигра, Великого Вана, Горного Духа, и всякий прохожий сжигает здесь свечу молитвы и кладет камень у корней священного дерева.

В глуши Шухая нередко можно встретить вековой дуб, или гигантский кедр, со следами тигровых когтей на коре и с кучкою обомшелых камней у корневища.

В настоящее время, с проникновением в край культуры и цивилизации, обычай этот выводится и отходит в область преданий, но еще два десятка лет тому назад он действовал беспощадно, являясь сдерживающим началом для преступных элементов.

В течении моих многолетних скитаний по горам и лесам Маньчжурии, мне приходилось непосредственно наблюдать эту своеобразную, чрезвычайно интересную жизнь и нередко принимать в ней деятельное, активное участие.

Особенно ярко рисуется в моей памяти один из таких кровавых таежных эпизодов.

Это было в январе месяце. Около двух недель охотились мы в дремучих кедровниках верховьев Хайлинхэ на кабанов, и постепенно подвигались к западу. Прямо перед нами возвышалась скалистая пирамидальная вершина Татудинзы, освещенная красноватыми лучами заходящего солнца. Короткий зимний день приближался к концу. Со мной был неизменный товарищ по таежным скитаниям, промышленник Акиндин Бобошин. Его гигантская фигура маячила передо мной по тропе, оставляя за собой струю едкого табачного дыма.

Не доходя версты две до фанзы знакомого зверолова, мы нашли свежие следы больших тигров; звери пересекли тропу, направляясь в дубняки, где, вероятно, держались в то время кабаны.

Мы прибавили шагу, чтобы засветло дойти до фанзы.

Стемнело совершенно, когда мы подошли к фанзе старого Тун-Лин.

Услышав наши шаги Услышав наши шаги еще издали, он вышел нас встретить.

«Моу-цзы Бобошка! Пенсне! Здравствуй!», – кричал обрадованный зверолов, приглашая нас войти в натопленную уютную фанзу.

Мы разоблачились, и вскоре ароматные пельмени наполнили фанзу вкусным запахом. Нечего и говорить, что от большой миски пельменей вскоре не осталось и следа.

Утолив голод и жажду, мы расположились на теплых канах, как у себя дома, и незаметно заснули богатырским сном.

Перед рассветом я проснулся, с намерением выйти из фанзы.

Луна уже зашла и в тайге было темно, как в яме. При слабом свете ночника я еле различил сгорбленную фигуру старика, стоящую у дверей. Он очевидно к чему-то прислушивался. Не зная, в чем дело, я задал ему обычный вопрос: «Шима?» Он замахал на меня рукою, приглашая послушать.

Когда я приблизился к нему, он прошептал: «Ходи не надо! Шибко худо есть! Около фанзы ходи два Большой Начальник-Ван! Моя всю ночь слушай его шаги. Его шибко сердись и хочу кушай китайски люди!» В подтверждение своих слов, напуганный старик указал мне место, откуда доносились звуки, и я действительно ясно услышал скрипение снега под чьею-то тяжелою стопой и по временам сдержанное ворчание и фыркание. По этим характерным звукам я догадался, что вокруг фанзы бродят тигры. Иногда они подходили вплотную к фанзе и казалось вот-вот вломится один из хищников внутрь. Инстинктивно я схватился за винтовку, но старый зверолов неодобрительно покачал головой, говоря: «Пу-ю! Пу-ю!».

Бобошин в это время также проснулся и отнесся совершенно спокойно к появлению хищников. В ночной темноте стрелять их все равно бесполезно, и мы решили чуть-свет отправиться за ними по следам.

Видя наше спокойствие. Тун-Лин перестал нервничать и рассказал нам историю о тиграх людоедах, появляющихся через каждые десять лет за данью, в виде человека. Человеческая жертва должна быть представлена ему людьми добровольно, в противном случае людоед

не ограничится одним человеком, а возьмет десять. Таково народное поверье. Ван со своей подругой уже вторую ночь приходил к фанзе, требуя себе жертву.

То же самое он проделывал и с другими фанзами звероловов в ближайших окрестностях. В конце концов зверь навел такую панику и так терроризировал несчастных таежников, что они сообща решили исполнить волю Горного Духа, Ван.

Добровольно, конечно, никто из них не соглашался принести себя в жертву, но тут под-вернулся счастливый случай: в дальней фанзе, на западном склоне Татудинзы, один из рабочих китайцев, приносивших продукты из Цунхэ, уворовал из тайника две собольих шкурки, его поймали с поличным, судили своим судом и приговорили к смерти в когтях тигра.

Когда в тайгу проникли первые отблески зари и скалистый краж Татудинзы озолотился солнечными лучами, мы с Бобошиным, ежась от холода, шагали уже вверх по тропе, по следам уходивших хищников.

Пройдя по следам их верст десять, мы остановились перед отвесною грядой гранитного гребня хребта Лао-е-лина. Следы хищников вели нас на эти отвесные кручи, недоступные для человека. Волей-неволей пришлось нам обходить этот кряж, который тянулся с севера на юг более чем на 20 верст.

Мы стояли на склоне хребта, поросшего дубняками. Всюду виднелись следы и покопки кабанов. Мы решили бросить на сегодня тигров и заняться кабанями, исходя из того соображения, что лучше синица в руки.

Скрадывать вдвоем зверя было неудобно, и мы разошлись. Бобошин, как обладатель длинных ног, пошел в обход и засел на перевале, куда должны были двинуться кабаны после моих выстрелов.

Не прошел я и четырехсот шагов, как услышал характерный визг поросят.

Был ясный лучезарный полдень, какие бывают обыкновенно в середине зимы.

Белая пелена снега, покрывавшая южный склон хребта, искрилась всеми цветами радуги и слепила глаза.

Чувствуя близость зверя, я медленно подвигался вперед, стараясь не слышать самого себя.

Тишина была невозмутимая, только где-то недалеко, в редких дубняках слышалось какое-то движение, шорох и задорное хрюканье молодых зверей. Стая сорок с беспокойством носилась над ними, и неугомонные дятлы стучали по стволам деревьев.

Зная, что кабаны находятся в ближайшем дубняке, я стал скрадывать их, переползая от одного дерева к другому.

Вскоре глазам моим открылась следующая картина: на солнцепеке, среди дубового леса расположилось огромное стадо кабанов. Весь отлогий склон хребта был испещрен черными силуэтами зверей всевозможных возрастов, тут были старые секачи, с внушительными острыми клыками; подростки, с еле заметными зачатками клыков; молодые игривые свинки и старые матерые свиньи, окруженные суетливою и шумною толпой прибылых поросят.

Воздух тянул на меня и, стоя за деревом, я мог спокойно любоваться этой лесной идиллией и с наслаждением охотника втягивал в себя аромат тайги, пригретой солнцем, и специфический острый запах зверей.

Сколько было здесь кабанов, сказать трудно, но судя по площади, ими занятой, не менее двухсот.

Считая себя в полной безопасности, звери были беспечны и вели себя непринужденно. Многие расположились на отдых и лежали на мягких постелях из веток и сухой травы. Молодежь резвилась, гоняясь друг за другом взапуски. Тут-же вертелись лесные сплетницы сороки и прыгали по спинам и бокам кабанов, освобождая их густой пушистый мех от насекомых.

Долго я стоял, не шевелясь, за стволом старого дуба, не будучи в состоянии нарушить эту мирную безмятежную жизнь лесных обитателей чуждым ей звуком ружейного выстрела.

Но, вспомнив наше решение и выполняя свою задачу, я с неохотой поднял дуло винтовки и навел вершину мушки в левую лопатку ближайшего ко мне секача, стоявшего боком и чесавшего свой правый окорок о ствол дуба.

Грянул выстрел и кабан, сделав несколько шагов вперед, зашатался и лег на бок, обагрив кровью снег и желтый прошлогодний лист, вскопанный зверями, в поисках желудей.

Первое мгновение после выстрела наступила мертвая тишина, ни один звук не тревожил притаившуюся тайгу. Затем, в мгновение ока звери ринулись на утек, вверх по косогору, на перевал хребта, где засел Бобошин.

Несмотря на стремительный бег большого стада по дубнякам и зарослям не было слышно ни одного звука этого движения: каждый зверь, сознавая опасность, пробирался по тайге бесшумно.

Вскоре на гребне хребта раздался, один за другим, два выстрела. Это стрелял Бобошин по двум кабанам, как всегда без промаха.

Когда я подошел к лежащему зверю, он был уже мертв.

Небольшой карий глаз его еще не потерял жизненного блеска и смотрел вопросительно в голубое небо.

Могучая, плотная фигура зверя была красива и белый трехгранный клык грозно сверкал на конце длинного крутого рыла.

Судя по крупной голове, вес зверя достигал пятнадцати пудов.

Чтобы не давать туше застыть, я принялся немедленно за потрошение, что потребовало около часа времени, так как одному трудно было поворачивать тяжелое животное.

Желудок его был битком набит полу разжеванными желудями и свежими побегами какого-то кустарника.

Для предохранения зверя от мелких хищников, пришлось навалить на него мелких веток и листьев, для чего я воспользовался кабаньей постелью; кроме того, сверху еще присыпал снегом.

Бобошин убил кабана и молодую свинью. Когда я вышел к нему на перевал, он кончал потрошение зверей.

«Знаешь, Пенсне! А ведь тигры то здесь недалеко!» – произнес Бобошин, вытирая окровавленные руки снегом и закуривая свою короткую трубку носогреюку – «вон посмотри, чьи это следы?» – указал он головой на тропу, проложенную на самом гребне хребта.

Сомнений не могло быть. Здесь была битая тропа, по которой хищники совершают свои обходы. Следы совершенно свежие, звери прошли не ранее утра и вероятно находятся где-то поблизости.

Завалив кабанов снегом, мы двинулись по этой тропе, придерживаясь следов зверей. Как большинство тигровых троп, она извивалась по гребням хребтов, вдоль каменистых россыпей, выходила на утесы и горные выступы, где хищники имеют обыкновение лежать и сидеть, обзирая окрестности.

В одном месте, под навесом скал, тигры отдыхали и колоссальные фигуры их резко отпечатались на девственной пелене снега.

Расстояние между нами очевидно сокращалось, но все-же наступившая ночь заставила нас искать убежища в одной из горных пещер, часто встречающихся в этой части Лао-е-лина.

Натаскав сухих листьев для постелей, мы с комфортом переночевали в уютной пещере и спали как убитые. Бобошин несколько раз будил меня, чтобы я послушал музыку тайги. Всю ночь, до самого рассвета где-то поблизости ревели тигры и грозные голоса их рокотали в лесных делях и горное эхо вторило им в далеких падах и ущельях.

Это была «звериная ночь», когда тигры сходятся вместе, дерутся из-за самок и оглашают безмолвную тайгу своими громовыми голосами. В остальное время года они молчаливы и ведут одинокий скрытый образ жизни.

Под утро, едва только порозовела скалистая вершина Татудинцы, мы были уже на ногах. Наскоро напившись чаю, мы снова зашагали по хребтам и увалам, по следам уходивших хищников.

К полудню вышли мы на крутой перевал, где представилась нам ужасная картина гибели человека в когтях преследуемых нами зверей. На самой вершине перевала снег был смят и вытоптан широкими лапами гигантских кошек и окровавлен. Всюду валялись обрывки и клочки ватной китайской одежды; тут-же торчали из-под снега кожаные улы, порванные и измятые зубами зверей. Около меховой шапки под старым кедром, извиваясь как змея, блестела черная длинная коса. На коре дерева висели обрывки крепкой пеньковой веревки, толщиною в палец. Ствол кедра обрызган кровью. Недалеко отсюда, в замерзшей луже крови лежал обглоданный человеческий череп, ступни ног, кисть руки и кости бедра. Вот и все, что осталось от несчастного китайца. Смотря на все это, можно было легко представить себе кошмарную таежную драму. Слова Тун-лина оправдались: человек, нарушивший закон тайги, был приговорен к смертной казни и отдан на растерзание зверей. Крепко привязанный к стволу дерева, прежде, чем принять мучительную смерть, он должен был испытать невероятные переживания, так как свирепые кровожадные хищники по частям отрывали части его тела, чтобы освободить его от веревки. Мы долго стояли на этом лобном месте, где совершена была казнь во имя таежного правосудия.

Даже крепкие нервы Бобошина не выдержали, и он разразился невероятной руганью по адресу знакомых ему таежников.

«Вот черти! Ироды проклятые! Накормили-таки человечим мясом своего бога! Чтоб им принять такую-же смерть, окаянным! Погоди-же! Попадись теперь мне на мушку ихний Великий Ван! Спущу с него полосатую шкуру!».

Долго еще возмущался мой приятель и его густой бас гудел под сводами дремучего леса.

Яркое маньчжурское солнце посылало свои веселые радостные лучи на горы и леса и равнодушное голубое небо сияло из бездонной прозрачной своей глубины.

На даровой кровавый пир слеталось голодное воронье и зловещий клекот их нарушал тишину таежной пустыни.

Молча, понуриив головы, думая свои думы, мы снова шагали по тропе, преследуя хищников.

Бобосин ожесточенно курил, пыхтя, как паровоз, своей носогрежкой, оставляя за собой струю едкого табачного дыма. Бронзовое лицо его выражало решимость и в глубоких зрачках серых глаз светилась непримиримая злоба.

Пролетая над вершинами таежных великанов, громко каркал старый горный ворон, сзывая товарищей на дикий кровавый пир.

Вскоре звери разделились, и мы пошли по следам старого самца, Великого Вана.

Неустанно преследуя зверя и не давая ему возможности кормиться и отдыхать, мы выгнали его на лесные концессии вблизи линии железной дороги, где работали по вывозке бревен многочисленные обозы китайцев – возчиков. Изголодавшийся хищник в течение трех дней умертвил здесь четырех лошадей и двух погонщиков китайцев и навел такую панику на всех рабочих концессии, что они наотрез отказались выехать в лес. Работы прекратились, и ужас объял обитателей тайги: появился Ван-людоед и требует себе человеческих жертв.

В кумирнях и таежных фанзах совершались моления грозному богу гор и лесов и дым благовонных курильниц возносился к синему безоблачному небу. Тайга притихла и чутко прислушивалась к шелесту сухих листьев, к треску сломанного сучка под тяжелою, мягкою стопой свирепого зверя.

Обозленный нашим преследованием, хищник решил дать нам бой и залег на своих следах, сделав засаду пнем гигантского кедр.

Солнце высоко стояло в небе, бросая свои яркие лучи в чашу леса. Тихо и осторожно пробирались мы вдвоем с Бобошиным, по тигровым следам, зорко всматриваясь в густые заросли тайги. Крики ворон и сорок заставили нас остановиться. Мы знали, что это верный признак близкого присутствия хищника.

Кроме этих криков ни один звук не нарушал торжественную тишину дремучего леса.

Нервы наши были приподняты. Сердце усиленно стучало в грудную клетку. Мозг энергично работал. Сознание неизбежности смертельной борьбы удесятерило наши духовные и физические силы.

Разойдясь на двадцать шагов, мы двинулись вперед по следам.

Вскоре показались над лесом черные силуэты ворон.

Они летали и неистово каркали над поляной, посреди которой возвышался широкий пенек спиленного кедра.

За пнем, притаившись и сжавшись в комок, темнела длинная полосатая фигура зверя. Вытянутый, как струна, пушистый хвост его конвульсивно вздрагивал.

Словно по команде мы остановились. До пня не более тридцати шагов. Хищник внимательно следил за нами, ожидая нашего приближения.

Момент был критический.

Зверь, видя, что мы остановились, решил перейти в наступление.

Прижав уши назад и вытянув туловище, он готовился к роковому прыжку. Стальные мускулы его напряглись.

После первых наших выстрелов, зверь делает гигантский прыжок вперед и падает на бок, издавая яростное рычание.

Но быстро справившись, он вскакивает на ноги, стремясь добраться до нас, но вторые пули «express», направленные в голову и сердце, сражают его окончательно и могучий хищник, взревев и бросившись в сторону, вытягивается на белой пелене снега во весь свой колоссальный рост.

Еще один последний вздох гигантской груди и жизнь покидает прекрасное тело Великого Вана.

Перед нами лежал во всей своей дивной красоте царственный зверь, грозный Дух гор и лесов Маньчжурии.

Страшная пасть его, вооруженная острыми коническими клыками была окровавлена.

Мертвый желто-зеленый глаз, с круглым зрачком спокойно смотрел в ясное голубое небо.

«Вот тебе и Великий Ван! – произнес Бобошин, набивая свою трубку корешками – Довольно! Попил человеческой кровушки, а теперь сам потерял свою шкуру! А важная, черт возьми, мантия у нашего бога! Чай рублей 200 стоит!» – продолжал он, поглаживая своей заскорузлой рукой роскошный буро красный мех тигра.

Теперь только, когда хищник был убит, и победа склонилась в нашу сторону, нервы наши начали сдавать, и мы почувствовали наступившую реакцию. Теперь только нам понятна стала та смертельная опасность, которой мы подвергались!

Длина зверя на четверть превышала 5 аршин. Вес оказался около 20 пудов. (Длина – 3 метра 60 сантиметров. Вес – 325 килограммов).

Так окончил дни свои Горный Дух тайги и заплатил своей шкурой за многих растерзанных им людей.

Прошла суровая зима с ее вьюгами и метелями, приносимыми из ледяных пустынь Сибири северо-западным циклоном.

С берегов Тихого океана повеяло теплой влагой, и тайга оживилась. Зашевелились почки на деревьях; на солнопеках показалась зеленая трава; зацвели ландыши, черемуха и вишня и нежный запах их слышался всюду, в чаще леса и на горных лугах.

Жажда жизни и творчества пробудились в растительном и животном мире. Горы и леса огласились песнями любви и призывными криками птиц и зверей.

По утренним и вечерним зорям начали токовать тетерева.

В зарослях речных урем и на склонах гор все чаще и громче раздавались голоса фазанов-петухов.

Радостная светлоликая весна сыпала свои прекрасные дары на оживающую природу.

Под ласкою солнечных лучей влажная земля дышала полною грудью и аромат этого дыхания наполнял прозрачный воздух горных долин и ущелий.

Этот же весной мне пришлось побывать в фанзе старика Тун-Лина.

Старый зверолов, успешно окончив свой зимний промысел и ликвидировав его результаты в ближайшем городе, вернулся опять в тайгу, добывать золото в песчаных россыпях горных речушек и собирать драгоценный женьшень на северных склонах главного хребта Лао-елина.

В беседе со стариком, я напомнил ему кровавый эпизод минувшей зимы, и он поведал мне свои заветные думы и мысли, рождавшиеся в его дряхлой, удрученной годами, седой голове.

«Душа человека, съеденного Ваном, повествовал мне Тун-Лин – витает здесь же, недалеко от того места, где разорвано было его тело. Она переселилась в птицу Цяор, которая летает в горах, по вершинам вековых кедров и жалобно стонет, называя свое имя. Увидеть ее простому человеку нельзя, это доступно только великому праведнику и безгрешному, с чистым непорочным сердцем.

Если ты пойдешь на этот крик из любопытства, он заведет тебя в глубину тайги, ты заблудишься и попадешь в лапы Горного Духа. Птица эта хранит золото и женьшень и приводит к Вану обреченного человека. На месте том, где был разорван человек, из крови его вырастает весною красный мак, – это великий талисман и лекарство от болезней».

Много еще говорил мне старый зверолов о таинственной птице и различных талисманах.

Желая услышать крик этой птицы и питая некоторую надежду увидеть ее хоть мельком, я уговорил старика пойти со мной на тот горный перевал, где совершена была казнь человека.

На следующее утро, едва только солнечные лучи осветили вершину Татудинзы, мы быстро шли по тропе, поднимаясь на крутой перевал главного хребта.

Часа через два быстрого хода мы были уже на месте.

По просьбе Тун-Лина я остановился шагах в ста от лобного места.

На самом перевале по-прежнему стоял вековой кедр. На седой коре его виднелись глубокие следы когтей хищника. У корней возвышался небольшой холмик камней. На ветвях деревьев повешены были лоскутки одежды растерзанного человека.

Подойдя к кедру Тун-Лин упал на колени и долго и усердно молился, обращая свои взоры на вершину дерева.

Вокруг кедра, в яркой зелени молодой травы, как капли крови, алели пунцовые цветы дикого мака.

Тишина в тайге была невозмутимая, только где-то внизу, в глубине пади журчал ручей и утренний ветерок шумел в вершинах лесных великанов.

Но вот, совершенно неожиданно, откуда-то с вершины кедра раздался громкий голос неведомой птицы. Я вздрогнул от неожиданности и стал искать ее глазами в густых ветвях дерева. Голос птицы звучал, как флейта и далеко разносился по горам, рождая многократное эхо.

Старый зверолов, услышав эти звуки, пал на землю ниц, закрыв голову руками.

Тщетно я старался увидеть таинственную птицу в темной хвое могучего кедра.

Волшебный стрелок

Темная таежная ночь. Яркие звезды горят в вышине и блещут, переливаясь таинственным светом из неведомой пучины бесконечности. Тихо плещут в скалистые берега темные воды Лянцзухэ. Мерно покачивается утлый челн наш под нависшими ветвями старого кедра. Красноватый свет смолистой лучины, укрепленной на корме, выхватывает из непроглядного мрака наш челн и небольшое пространство каменистого дна реки.

Я сидел на корме и длинным шестом, упертым в дно, удерживал лодку на месте, а на носу с острогой в руке стоял промышленник Залесов, в ожидании появления рыбы.

По берегам реки, нависая над нею сплошными кущами зарослей, стояла стеной черная угрюмая тайга.

В темноте загорались и потухали огоньки фосфорического света, отражаясь в воде и рассыпаясь там множеством искр, – это светляки, радуясь появлению на свет, водили свои молчаливые хороводы. На ближнем болоте, подобно серебряному колокольчику, раздавался мелодичный крик карликовой совы; из глубины леса доносился плач неясности; по временам слышался шелест листвы и хруст валежника в прибрежных кустах, и чья-то неведомая стопа, осторожно раздвигая заросли лиан и винограда, скользила вдоль берега.

Вот вблизи плеснула крупная рыба, ударив своим упругим хвостом по воде.

– Здесь ничего нет. Идем выше... – проговорил мой спутник, указывая головой направление.

Наш утлый челн, бесшумно скользя, продвинулся к середине реки и остановился у торчащей из воды коряги. Под нею темнело какое-то длинное тело с очертаниями рыбы. Всмотревшись, я различил голову, плавники и еледвигающийся хвост.

– Таймень, – шепотом произнес охотник, и гибкая острога, как молния, метнулась в воду, произведя только едва слышный шипящий звук.

Наше утлое суденышко покачнулось, зачерпнуло одним бортом воды, но не перевернулось. В это же мгновение большая сильная рыба, выхваченная острогой из родной ее стихии, билась на дне челнока, стараясь освободиться от острых, шипов вонзившейся в ее спину остроги. Длина ее была не менее пяти четвертей; широкая пасть судорожно хватала воздух и упругое тело отливало золотом и серебром под лучами горящего смоляка.

Первая добыча придала нам бодрости и энергии и долго еще скользили мы по сонной реке, насаживая на шестизубую острогу большую и малую рыбу.

Набрав целую кучу рыбы, промокшие до нитки от ночной сырости, мы причалили к берегу, где расположились у костерка скоротать весеннюю короткую ночь. Скоро в котелке закипела чудная уха.

Время летело быстро. Часы показывали полночь. Тайга притихла; слышен был только плеск игравшей рыбы да тихий рокот волн горной красавицы Лянцзухэ.

Теплый, напоенный ароматом леса и цветов воздух нежил и усыплял нас своим опьяняющим дыханием. Рои всевозможных насекомых носились вокруг, привлеченные светом костра, но едкий дым отгонял их и держал на почтительной дистанции, иначе нельзя было бы усидеть спокойно и любоваться чарами этой чудной весенней ночи. Комары и москиты жужжали неистово над нашими головами, не будучи в состоянии преодолеть плотную завесу, «ядовитых газов».

Закусив и напившись чая из виноградных листьев и побегов лианы-лимонника, мы пристроились у костра, подложив под себя козы шкурки.

Не спалось. Мысли улетали далеко; образы и впечатления прошлого роились в голове. Далеко на юге, в скалистых кряжах Лянзалина кричали козы.

– Ишь ты, раскричались, – произнес мой товарищ, вынимая изо рта короткую трубку-носогрейку – Когда-то я побил их много, а теперь не бью, – не стоит, – продолжал он, подкладывая сухие сучья в огонь. – Вот панты, – это другое дело. Или вот медведя, тигра, соболя. А мясо теперь несподручно, возиться не стоит, – одна канитель.

С этими словами он выколол своей единственной правой рукой трубку о сапог и задумался.

Это был тип крепкого, сурового охотника-промышленника, старого таежника. Высокий сильный, закаленный девственным лесом и борьбой за существование, он производил впечатление несокрушимой мощи и железной воли. Типичное лицо его носило отпечаток затаенной грусти, хотя изредка в его серых глазах вспыхивали огоньки задорной удалости и лихости.

Как и многие русские промышленники в Маньчжурии. Залесов отбыв военную службу, остался здесь, ради охоты и привольной жизни в новом девственном крае.

Вначале он занялся торговлей и женился. Но вскоре дела пошли плохо, и он всецело отдался охоте. Постоянное отсутствие из дома, иногда по месяцам, сделало то, что его жена его бросила и ушла к знакомому десятнику на дальнюю станцию; единственная дочь, любимая отцом, умерла. Не выдержала крепкая натура испытаний, и Залесов запил горькую. В пьяном виде он как-то упал с поезда, и ему отрезало левую руку повыше локтя.

Долго пролежал он в больнице и, когда выписался, очутился в жалком беспомощном положении, без крова и работы.

– Тогда-то, – говорил он, – я решил наложить на себя руку. Выбрав крепкий сук в лесу, закинул веревку и надел уже петлю на шею. Вдруг слышу, кто-то бежит ко мне и кричит: «маманды» (*по-китайски* подожди). Гляжу – китаец старичок. Подбежал ко мне и давай лопотать по-своему. Нечего делать, снял я петлю и пошел за ним. Оказался зверолов-таежник. С ним я года четыре промышлял зверя. Жили вместе, как братья. Спасибо ему. Человеком меня сделал. Умер бедняга в тайге, должно, от старости. Почитай, ему было годов сто.

Таков был однорукий охотник Илья Залесов, промышлявший зверя и птицу в дремучих кедровниках Лянзалина и рыбу в таежных ручьях и речках. По всей вероятности, старик зверолов, бобыль без роду и племени, умирая отдал все, что накопил за свою долгую «скитальческую жизнь», русскому охотнику, т. е. последний, по-видимому, в деньгах не особенно нуждался, охотился только по влечению своей энергичной страстной натуры. Стрельба этого однорукого промысловика была изумительна.

Винтовку он держал правой рукой, а левой культяпкой поддерживал снизу у цевья. Зачастую он бил пульей на лету фазана и утку, не говоря уже о звере, по которому не знал промаха.

На промысел он всегда ходил в одиночку и не любил компании. Не раз побывал он в объятиях медведя, но отделался только царапинами и шрамом на голове. Один раз в верховьях реки Эрдаохезы он выследил двух тигров, самца и самку во время течки.

Тигра убил одним выстрелом наповал, а раненая тигрица бросилась на охотника, ударом лапы сбила его на землю и начала рвать когтями. Спасло его только хладнокровие и присутствие духа. Лежа под зверем, он успел ножом распороть ему брюхо во всю длину; тогда только умирающая тигрица оставила охотника и ушла от него в ближайшие скалы, где и была добыта второй пульей в голову. После этой схватки у Залесова оказалась переломленной правая лопатка и ключица. С такими ранами охотник имел еще силы продолжать охоту и добить зверя. Приходится удивляться, как выносливости человека, так и живучести зверя.

Любимым оружием этого зверобоя была наша трехлинейка военного образца, которую он сам переделал по своему вкусу, укоротив ствол и изменив прицел с мушкой. В прикладе его винтовки были врезаны когти убитых им десяти тигров.

Местные китайцы относились к нему с большим уважением и называли его «И-шу-ху», т. е. однорукий тигр, или же «Волшебный стрелок».

В противоположность другим русским промышленникам, не умеющим добывать пушного зверя силками, этот охотник очень искусно устанавливал различного рода капканы и западни на соболя, белку, выдру и колонка и добывал их в большом количестве. Этому искусству он, вероятно, научился у китайцев звероловов, во время совместной жизни со стариком. Добытые панты¹ изюбря и оленя он умел сохранять и заваривать и продавал их с большой выгодой знакомым скупщикам. Большинство русских промышленников, не умея сохранять от порчи свежие панты, спешат продать их даже за бесценок скупщикам-китайцам, понижая стоимость самых ценных пантов до минимума.

Во время промысла Залесов неизбежно сталкивался с хунхузами и должен был войти с ними в соглашение. Они не трогали его отчасти из уважения, отчасти из боязни. Он imponировал им своей моральной и физической силой. Хунхуз признает и уважает только одну силу, в чем бы она не проявлялась. Его психология резко отличается от психологии культурного человека; его этика подчас диаметрально противоположна нашей.

В некоторых отдельных частях зверовых угодий Залесов имел свои избушки-зимовья, где он проводил значительное время года и промыслял разнообразного зверя, преимущественно пушного. Несмотря на незначительность научной подготовки и отсутствие элементарных знаний, человек этот производил впечатление высшего развития, благодаря постоянному общению с природой, своей чрезвычайной любознательности и вдумчиво-внимательному отношению к окружающим его явлениям. и типичным лесным Дикая величественная природа края и жизнь, полная опасностей, сделала его поэтом и типичным лесным скитальцем, напоминающим нам одного из героев бессмертных романов Купера и Майн-Рида, увлекавших нас в дни юности красивыми образами примитивной борьбы за существование, принявшей такие легендарно-поэтические формы.

Под утро я незаметно для себя заснул, убаюканный журчаньем реки и кваканьем лягушек.

Залесов просидел всю ночь, поддерживая огонь, и курил свою неизменную трубку, приводя в отчаяние наседавших на него маленьких кровопийц-москитов.

Солнце поднялось уже над зубчатыми гребнями далекого Лао-лина, когда я проснулся под давлением тяжелой руки промышленника.

– Пора вставать, говорил он своим низким грудным голосом, солнышко высоко; пора за работу. Вон китайцы давно уже рыщут по берегу за жемчугом.

Я взглянул по направлению его руки и увидел синие фигуры китайцев, искателей жемчуга, бродящих по колена в воде у берега реки.

Заботливым промышленником был приготовлен виноградный чай, за который мы и принялись с усердием.

Искатели жемчуга продолжали свою работу, и скоро груды развороченных раковин на берегу свидетельствовали об энергии и трудолюбии китайцев. При нас один из них нашел жемчужину, величиной с горошинку, оцененную им в 20 золотых рублей.

Солнце поднялось уже высоко над нашими головами и жгло немилосердно. Воздух был неподвижен. Парило. Тайга дышала ароматом разнообразных цветов. В прибрежных зарослях неистово стрекотали кузнечики и цикады.

Уложив свою добычу и пожитки в челнок, мы понеслись быстро вниз по течению, отталкиваясь шестами от встречных камней и направляя утлое суденышко наше по главному руслу реки. Залесов стоял на корме во весь рост, искусно действуя одной рукой и внимательно следя за быстро несущейся лодкой среди кипящих стремнин и водоворотов. На востоке, в фиолетовой дымке тумана, словно туча, темнела громада лесистых хребтов Лао-лина.

---

¹ Панты – не окостеневшие рога изюбря; высоко ценятся в китайской медицине.

Призрак смерти

Зима 1910 года в Маньчжурии ознаменовалась особенно сильной вспышкой чумы, в ее наиболее опасной, легочной форме. Распространителем этой болезни, как известно, является небольшой зверек из отряда грызунов, а именно тарбаган (*Arctomys sibirica*, Radde), обитающий в степных местностях Центральной Азии, а также в южных частях Сибири и в Монголии. Довольно ценный мех этого животного, идущий, преимущественно, на заграничные пушные рынки, создал в местах обитания зверька особый вид пушного промысла, называемого здесь «тарбаганьим».

Поздней осенью, когда тарбаган выкунел, т. е. надел свой зимний пушистый мех, за ним устремляются из населенных пунктов в необитаемые степи многие тысячи охотников-промышленников, с целью добыть возможно большее количество шкурок. Охотники эти, в отличие от других промышленников, получили название «тарбаганшиков». Кроме кочевых монголов, промыслом этим в последнее время занялись также китайцы и русские.

До европейской войны, большая часть добываемых шкурок шла, транзитом через Россию, в Лейпциг, откуда, в выделанном виде, поступала уже на мировые меховые рынки. Цена шкур в то время не подымалась выше 50 коп. за штуку, но уже во время войны, с 1916 года, центр выделки мехов и меховой торговли перешел к Америке, спрос на меха возрос и цены сразу вскочили вверх чуть ли не на 300–500 % на низшие сорта мехов, к которым, между прочим, относится и тарбаган. В настоящее время цена этой шкурки достигла трех золотых рублей.

Добывают тарбагана различными способами, а именно: стрельбой из винтовки, когда зверек сидит на своем холмике (бутане) столбиком; различными петлями и ловушками, и выкапыванием из нор, когда отъевшиеся за лето грызуны залягут на всю зиму в свои, толково и с большим искусством устроенные подземные помещения.

По новейшим научным исследованиям, возбудителем чумы является специальный микроорганизм, развивающийся в теле некоторых видов грызунов и производящий среди них массовые заболевания, в виде эпидемий, опустошающих целые колонии этих зверьков на пространстве многих сотен и тысяч километров. Болезнь эта чрезвычайно заразительна и может передаваться человеку различными способами, как-то: непосредственным попаданием инфекции на слизистые оболочки, в дыхательные пути, а также посредством передачи инфекции насекомыми, в виде вшей, комаров, мошек и, главным образом блох.

Промышленник, убив зараженного зверка и сняв с него шкурку обязательно заражается сам, служа, в свою очередь, распространителем заразы для своих товарищей. Китайцы, кроме того, заражаются при употреблении в пищу мяса и жира тарбагана.

Легочная форма чумы поражает, кроме лимфатических желез человека, дыхательные пути и вся болезнь протекает чрезвычайно быстро: в 5–7 дней. Смерть наступает от удушья.

До настоящего времени наука еще не нашла способа борьбы с возбудителем этой ужасной болезни и поэтому смертность равняется 100 процентам. Всякий заболевший обречен на смерть.

Болезнь эта распространяется, главным образом, зимой и самые лютые морозы на нее не действуют; наоборот, солнечные лучи и теплота убивают чумные бактерии в самое непродолжительное время. Китайцы утверждают, что эпидемия эта появляется регулярно через известные промежутки времени, причем в народе существуют всевозможные суеверия и легенды, связанные с чумой.

Эпидемия в зиму 1910–1911 гг. была одной из самых опустошительных. Точных статистических данных по этому предмету, конечно, собрать никому не удалось, но с некоторым вероятием можно предполагать, что китайцев и монголов погибло от этой болезни не менее полумиллиона.

Район эпидемии был довольно обширен и охватил собой, кроме трех провинций Маньчжурии, северную Корею, Северо-Восточную Монголию и северо-восточную часть Китая. Несмотря на предупредительные меры к локализации очагов заразы, принятые Южно-Маньчжурской и Китайско-Восточной железными дорогами, население в панике разбегалось во все стороны, распространяя заразу, и только с наступлением весеннего тепла интенсивность ее начала падать и в мае месяце 1911 г. эпидемия прекратилась совершенно.

Жертв среди европейцев было, сравнительно, очень мало, и то среди медицинского и санитарного персонала, в числе не более двух десятков человек. Это можно объяснить разницею гигиенических и санитарных условий жизни. Китайцы называют эту болезнь «Вень-и».

В населенных местностях края чума имела особенно сильное распространение, например, в Мукденской и Шандунской провинциях; на севере же, в районе Большого Хингана и на северо-востоке, в горно-таежных частях Гириньской провинции распространение ее ослабевало, появляясь только случайно вблизи линии железной дороги и других путей сообщения.

Этот злосчастный год как раз совпал с необычайным урожаем кедровых и других орехов в тайге, где появился тогда в большом количестве пушной и мясной зверь. Местные звероловы и охотники, в надежде на обильную добычу, ушли в леса на промысел, не обращая внимания на свирепствовавшую эпидемию. В дикой, безлюдной тайге она казалась не страшной и далекой.

В самый разгар ее, 8 января, мы, вдвоем с промышленником Козьмой Шелеговым, также отправились промыслять зверя к северо – востоку от станции Гаолинза, в верховья реки Эрдахэцзы. В два дня быстрого хода по знакомым таежным тропам покрыли мы расстояние в 70 километров и на вторые сутки к вечеру были уже у фанзы звероловов, работавших артелью, в количестве четырех человек.

Эти промышленники были известны мне по предыдущим охотам. Отношения между нами были самые приятельские. Я жил у них в фанзе иногда подолгу, и мы помогали друг другу, чем могли. В особенности они полезны были для меня при вытаскивании зверя из тайги к фанзе, за что я старался отблагодарить их мясом и сахаром; запас последнего у меня всегда был большой, специально для этой цели.

Нас встретили с радушием и принялись угощать таежными лакомствами: рагу из тушек добытых зверьков: белок, бурундуков, крыс, колонков и полевок. Проголодавшись, мы не подвергали строгому анализу содержимое этого блюда и уплетали за обе щеки поджаренные и пахнущие хвоей сочные куски изысканной дичи. В виде приправы нам подали крепкую и едкую, как огонь, сою, собственного таежного приготовления.

Короткий зимний день приближался к концу. Таежные тени потемнели. При тусклом свете ночника мы занялись разборкой своих вещей, так как предполагали прожить в фанзе недели две и охотиться в ближайших ее окрестностях. Звероловов было только двое, остальные, по нашим предположениям, ушли по ловушкам и должны были вернуться к ночи домой.

Один из звероловов, глубокий старик, Фу-тай, приготовил нам постели на теплых канах, подстелив пушистые шкуры горалов. Так как в самой фанзе было все же довольно холодно, он накрыл нас рваными и грязными до нельзя ватными одеялами. Согретые теплом и утомленные предыдущей бессонной ночью, проведенною у костра, мы заснули быстро и спали непробудно.

На следующее утро меня разбудил Шелегов, трясая изо всей силы за плечо. Спросонья я не мог сразу сообразить, в чем дело, и всматривался в лицо товарища, наклонившееся надо мной и освещенное тусклым светом утреннего солнца, проникавшим сквозь бумажное оконце фанзы. Отогнав от себя сон и придя в сознание, я был поражен видом и выражением этого лица: оно было бледно и искажено ужасом, зубы его стучали, как в лихорадке, и в расширенных глазах светилось безумие.

– Вставайте скорее! Чума! – едва слышно произнес Шелегов, укладывая в свой мешок вещи, разбросанные на канах. Руки ему не повиновались, и вся фигура его изображала страх и

отчаяние. Услышав страшное слово «чума», я вскочил, как ужаленный, и забросал его вопросами, желая выяснить положение.

Оказалось, что два зверолова в фанзе умерли от чумы за две недели до нашего прихода, а оставшиеся скрыли это обстоятельство от нас по каким-то своим соображениям. Шелегов узнал об этом только утром, когда случайно нашел обоих мертвцов невдалеке от фанзы, полузанесенных снегом. Подозревая неладное, он заставил старика сознаться, что товарищи умерли от чумы, и что он решил скрыть это от нас из боязни, зная, что русские сжигают фанзы, где обнаружены были чумные. Рано утром оба зверолова, надев свои кошелки на спину, ушли по ловушкам, оставив нас одних разбираться в создавшемся положении, каковое, конечно, было незавидно: мы чувствовали себя приговоренными к смерти.

Чтобы вполне удостовериться в степени угрожавшей нам опасности, я попросил Шелегова показать мне место, где лежали трупы умерших звероловов. Шагах в пятидесяти от фанзы они положены были на доски, и белая пелена снега прикрыла их своим саваном; виднелись только острые, худые колени и локти рук. Разметав немного снег, мы обнажили их головы, причем выражение лиц покойников пораало немым, смертельным ужасом, застывшим в искаженных страданиями чертах и широко открытых глазах, устремленных мертвым, стеклянным взором в голубое, прекрасное небо.

Один из звероловов, старик, умирал, очевидно, спокойнее, так как в застывших зрачках его и во всей фигуре не было заметно особенно мучительной предсмертной агонии, другой же, молодой китаец, занесший сюда болезнь из города Футоми и умерший первым, был страшен видом сведенных судорогами рук и ног, кровавой пеной, замерзшей клубами у раскрытого рта и отвратительной гримасой смерти животного страха, застывшей на израненном и исковерканном ногтями мертвом лице.

Впечатление от всего этого было настолько значительно, что мой спутник, Шелегов, обладавший крепкими нервами таежника, не выдержал и зарыдал, как ребенок, жалуясь на свою судьбу и проклиная звероловов, скрывших от нас истину. Заражение наше было вполне возможно, так как мы нисколько не остерегались, пили и ели из общей посуды, спали на канах, где умерли звероловы, и покрывались их грязными, вшивыми одеялами.

Видя отчаяние своего товарища, я старался доказать ему возможность отсутствия заражения, указывая на уцелевших звероловов, но самочувствие мое было также не важно, хотя я и сдерживал себя елико возможно. Все же, несмотря на видимую безнадежность нашего положения, необходимо было принимать какие-нибудь меры, хотя бы для очистки совести. Наскоро уложив вещи и продукты в ранцы, мы поспешили оставить это печальное место и быстро двинулись по тропе, направляясь к югу, т. е. к линии Китайско-Восточной железной дороги.

Нам предстояло перевалить три высоких горных хребта и спуститься в долину реки Хайлинхэ, к станции Хайлин.

Обратное путешествие наше, под впечатлением происшедшего и под гнетом вероятности заражения, не было веселым; мы шли молча, погруженные в свои думы, изредка обменивая короткими фразами.

На первом же привале, у реки Тутахезы, мы разложили большой костер, разделись до нага, вытрясли и прокоптили все свои вещи и одежду на огне, причем обнаружили присутствие некоторого количества весьма подозрительных насекомых, называемых китаичами «ши цзы». Последнее обстоятельство еще более убедило моего компаньона в неизбежности заражения и привело его в состояние нравственной апатии, весьма близкой к духовному маразму. Некоторые симптомы заставили меня даже опасаться за его рассудок.

Сидя у костра, этот таежный богатырь бесстрашный в борьбе с дикими зверями, жаловался на свою судьбу, как малый ребенок и готов был плакать при одном намеке на страшный призрак чумы, преследующий нас своей роковой действительностью. В разговоре со мной Шелегов часто заговаривался и нес такую чушь, что у меня даже являлось подозрение, не начи-

нается ли у него процесс болезни с жаром и бредом. Ночью, лежа у огня на шкурке косули, он, положительно, бредил и бормотал непонятные слова, вспоминая свою прошлую жизнь и приводил меня в отчаяние, т. к. перспектива ухода за больным в глухой, дикой тайге казалась мне каким-то кошмаром. Так прошла одна долгая, томительная ночь, полная гнетущих дум, тревог и опасений.

Яркое зимнее солнце, бросившее свои живительные лучи на наш унылый бивак, разогнало мрачные мысли и таинственные призраки ночи. Даже печальное лицо Шелегова немного просветлело и оживилось. Тогда у меня явилась счастливая идея, поднять искусственно его дух изрядной порцией крепкого рома, который всегда находился в моем мешке, на случай простуды и обмерзания. Не говоря ни слова, я откупорил бутылку, налил полную кружку «огненной воды» и подал ее своему товарищу. Он посмотрел на меня вопросительно и, также не говоря ни слова, выпил ее залпом, крякнув и закашлявшись.

Через четверть часа действие ямайского напитка сказалось и прежнего угнетенного Шелегова как не бывало. Откуда явилась бодрость, ясность духа и даже отчаянная бесшабашность! Я не узнавал его и в душе радовался, что страшный, кровавый призрак чумы не посмеет приблизиться к нам и на винтовочный выстрел. Я видел, что в психике охотника произошел перелом и после упадка физических и духовных сил, наступила реакция и прилив новой энергии и жизнедеятельности.

– А ну ее к черту, эту проклятую чуму! – кричал на весь лес расходившийся Шелегов. – Что ее бояться?! Поддайся только ей, – она и на самом деле заберет в свои лапы, тогда не выкрутишься!

Внешность охотника также радикально изменилась, в глазах светилась прежняя сила воли и самая фигура его говорила о готовности к борьбе за жизнь.

Крайне довольный оборотом дела, я старался поддерживать такое бодрое настроение в своем товарище, решив, все же, наблюдать за ним, на случай появления первых признаков заразы. Наблюдения эти незаметным образом я производил и над собой, время от времени щупая у себя пульс, с целью определить повышение температуры.

Таким образом, призрак чумы хотя и отдалился от нас на почтительное расстояние, но, все же, висел над нами, как дамоклов меч, готовый поразить нас своим смертельным ударом. Шелегов, казалось, совершенно забыл о нем и намеревался поохотиться на кабанов и косуль в кедровниках Тутахезы. Принимая во внимание скрытый период болезни в течение десяти дней, я решил провести это время в тайге, так как если нам суждено было заболеть чумой, то лучше уж погибнуть здесь, среди дикой, прекрасной природы, вдали от людей, без звона колоколов, но под шум первобытного леса, который скрыл бы нас навсегда в своих таинственных дебрях. Старая колдунья-тайга напевала бы над нами свои дикие песни звуки эти, как погребальный напев, раздавались бы под сводами темных кедровников в горах Лао-лина.

Такие мысли и думы неотвязно преследовали нас во время наших охот и скитаний в поисках зверя в верховьях Тутахезы. Бывало, преследуя раненого кабана по горячим следам, вспомнишь о существовании злополучного призрака чумы, остановишься и нащупываешь свой пульс, показывающий учащенное кровообращение, вследствие быстроты движения, и закрадывается опять шемящая тревога и призрак страшной болезни, в виде окровавленного, изуродованного трупа встает перед тобой.

Или, сидя у костра в глухую таежную ночь, внимательно присматриваешься к своему товарищу, ища у него каких-нибудь наружных признаков начинающейся болезни и с тревогой следишь за собой невольно преувеличивая каждый незначительный симптом.

Но, несмотря на тяжесть нашего положения, мы, в конце концов, привыкли к нему и, по прошествии нескольких дней, начали относиться к угрожающему призраку все с большим хладнокровием и все реже и реже щупали свой пульс, увлекаясь чудной охотой, ее пережива-

ниями и настроением. Заходить в фанзы звероловов мы избегали, не говоря уже о ночевке в них.

Однажды, проходя мимо одной из них, стоящей в низовьях Тутахезы, мы заглянули внутрь ее, желая расспросить хозяина о зверях, обитающих в районе фанзы. Каково же было наше удивление, когда мы нашли труп зверолова на холодных, остывших канах и другой труп его работника – невдалеке от фанзы, на берегу реки, у проруби, где чумной, очевидно, утолял жажду и умер в этом положении. Оба трупа были изуродованы судорогами и имели кошмарный вид. У молодого работника почти все лицо было объедено крысами и расклевано птицами; остались одни кости; два ряда белых зубов с открытым ртом изображали страшный смех смерти.

Прозрачное, голубое небо бесстрастно сняло в вышине и яркие лучи полудневого солнца, проникая сквозь темные вершины старых кедров, искрились радужными цветами на белой, девственно-чистой пелене снега. Прекрасная природа была равнодушна ко всему и трагедия жизни человеческой не нарушала ее величавого спокойствия.

Около двух недель блуждали мы по тайге, в погоне за зверем, ночуя у костра и стараясь отогнать от себя страшный призрак, следовавший всюду за нами, как тень, и напоминавший о превратностях судьбы и бренности существования человека. И только, возвратившись домой с большим грузом добытых нами кабанов и косуль, мы вздохнули свободно, почувствовав, что кошмарный призрак чумы остался далеко в тайге, где смерть заглянула нам в глаза своими страшными очами.

Тигровая ночь

Знаете ли вы, что такое звериные ночи? Если хотите, я могу вам о них кое-что рассказать.

Однажды, охотясь в дремучих кедровниках реки Лянцзухэ, верстах в 50 к северу от ст. Яблоня, на закате солнца я зашел в фанзу зверолова Ли-суна и заночевал в ней. Гостеприимный хозяин, древний старик, обрадовался моему приходу, угостил меня пельменями из мяса кабарги и ароматным чаем.

Это было в конце декабря. Мороз трещал по стволам деревьев. Глубокое, звездное небо раскинуло свой шатер над горами и лесами этого дикого края. Натопив хорошенько кан, мы улеглись на горячие циновки и чувствовали себя великолепно под двойным одеялом из косульего меха. Ли-сун долго возился у очага, пыхтел своей трубкой и все прислушивался к звукам, доносившимся из глубины темной тайги. Звуки эти слышны были хорошо в ночной тишине. Это ревели тигры и горное эхо вторило голосам их, замирая в далеких падах и ущельях.

– Сегодня звериная ночь! – сказал мне старик, раскуривая угольком свою трубку и пуская клубы едкого дыма, – таких ночей три: сегодня, завтра и послезавтра. В эти дни звери собираются и празднуют свой праздник. Начальник сзывает их со всей округи, и они ему повинуются и идут за ним всюду, куда он поведет. В такую ночь все другие звери спасаются бегством и уходят из района.

Эти ночи – «звериные» и горе человеку, застигнутому в тайге. Звери его не пощадят и разорвут по приказанию своего начальника у которого на лбу начертаны особые знаки иероглифа «Ван». В это время звери ищут крови и, не находя добычи, дерутся между собой. Сильный побеждает слабого и умерщвляет его. Только один Ван не участвует в драке, но, иногда, подает свой голос, который заглушает все остальные и подобен раскатам грома. Все трепещут, услышав его и замолкают. Это продолжается три ночи подряд. Затем звери расходятся по своим районам, и лес опять становится безмолвным, как и прежде...

– Слышишь, подает свой голос Ван!.. – заметил старый таежник, приподнявшись на локте и указывая головой направление.

Я прислушался и, действительно, из глубины тайги неслись какие-то глухие, звуки, напоминавшие далекие раскаты грома. То стихали они, то усиливались и, казалось, исходили не из груди животного, а из каменных утесов гранитных гор.

Рев тигра в дремучей тайге, ночью, производит сильное потрясающее впечатление на непривычного человека. Его можно передать звуком «еоун», повторяемым один, два и, редко три, раза подряд; после этого громоподобного рыканья он переходит в рокотание, подобное рокотанию пара, выпускаемого из гигантского котла. В звуках его голоса слышится не только могучая сила и свирепость, но что-то стихийное, величественное. Почти все животные, услышав этот страшный рев, становятся безумными, или бегут, сломя голову как шальные, или же подвергаются действию временного паралича, вроде каталепсии, когда ужас сковывает волю, сознание и способность двигаться. В такое же состояние впадают иногда и люди, впервые услышав эти звуки в диком, первобытном лесу.

Теперь вы уже знаете, что такое звериные ночи, но китаец-зверолов объясняет их по-своему, между тем биология говорит нам, что время это как раз совпадает с известным периодом года, когда звери обоего пола сходятся вместе, ищут друг друга, призывая голосом, и самцы, дерутся между собой, нередко увеча один другого. Во время моих охот мне неоднократно приходилось ночевать в тайге по целым неделям и проводить звериные ночи у костерка или одному, или в компании верных друзей и хороших товарищей. Одну из таких ночей я хочу вам описать и поделиться своими впечатлениями.

Это было в 1909 году, в конце декабря перед праздниками. Из Москвы ко мне приехал на охоту некто П., большой мой приятель, весельчак и балагур, типичный представитель сто-

личной богемы, оперный певец. На охоте до того он бывал редко, и то на облавах, но страстно любил природу, понимал ее, и умел ее ценить, как художник. Жил я тогда на станции Хань-даохэцзы. На все рождественские праздники я предполагал уйти в тайгу, т. е. недели на две. П. уговорил меня взять его с собой я согласился и вот, в двадцатых числах декабря, взяв с собой провизии, с винтовками за плечами, мы отправились ранним морозным утром из Хань-даохэцзы к северо-востоку, направляясь поперек хребтов, в верховья реки Тутахезы, где в те времена было очень много всякого зверя, в особенности кабанов и тигров.

До фанзы старика-зверолова, под названием Чапи-гоу (Дяо-пи-гоу) было около 35 верст, и мы предполагали быть там к ночи этого же дня; но удачная охота на кабанов верстах в 10-ти от фанзы заставила нас искать пристанища в тайге, на берегу реки вблизи того места, где лежали убитые нами кабаны, прикрытые кедровыми ветвями и засыпанные снегом.

Мы расположились.

Весело потрескивал наш костерок под старым, могучим кедром; его темные ветви качались над нами, колеблемые разгоравшимся пламенем. Незаметно и неслышно спустилась ночь на горы и леса. Сквозь черную сетку ветвей таежных великанов блеснули звезды. Мороз крепчал. Изредка потрескивали стволы деревьев и лед на Тутахезе.

Вскоре закипел наш котелок и, напившись горячего чая, мы принялись устраивать себе постели из широких лап елей. Тайга безмолвствовала, только издалека доносился шум деревьев как рокот морского прибора. В глубине темной пади кричал филин и его громкое «угу» раздавалось в ночной тишине.

Пригретые огоньком костра, мы, незаметно для себя, забылись и крепкий сон сковал наши уставшие члены. Чудная таежная ночь плыла над уснувшей землей и навевала прекрасные сны и грезы. Однако, холод все же давал себя чувствовать, мы просыпались и, поочередно, подкладывали в костер собранные накануне дрова.

Занявшись как-то этим делом, я услышал невдалеке голос какого-то зверя: он доносился сверху со стороны ближайшего горного хребта, покрытого лесом. Сначала я принял его за голос красного волка, но вскоре к нему присоединился другой, более громкий и могучий. Тогда для меня стало ясно, что это тигры.

Разбуженный мною. П. сел у костра, поеживаясь от холода, и задал мне вопрос: «Кто это кричит?»

«Разве не знаешь! Это – тигры! Сегодня – звериная ночь!» – ответил я, как ни в чем не бывало, увеличивая огонь в костре и набрав снегу в котелок, для приготовления чая.

Не выдавая своего волнения, я наблюдал за своим приятелем и следил за выражением его лица. Оно было спокойно и невозмутимо, очевидно, он мне не верил и принял мои слова за шутку. Но, когда я разложил второй костер, голоса зверей настолько приблизились, что П. перестал сомневаться и видно было по его движениям и тону голоса, что на душе у него не все спокойно. Но, видя мое относительно спокойствие, он старался взять себя в руки и даже начал шутить, напевая вполголоса какую-то песенку.

Я был спокоен, зная, что звери боятся огня, который их удержит от нападения. Но близость битых кабанов немного смущала меня, в особенности, когда голоса зверей начали раздаваться со всех сторон. Судя по тембру и силе этих голосов, зверей было не менее четырех. Они приближались и надо было немедленно принять меры, чтобы обезопасить себя огнем, единственным, имевшимся у нас в руках средством против нападения хищников.

Голоса раздавались уже в непосредственной близости от нас. Положение становилось критическим.

Мы сидели внутри треугольника из костров и прислушивались к этой чудной музыке первобытного леса. П. сидел рядом со мной и, желая показать свою выдержку и хладнокровие, напевал различные арии из веселых оперетт и даже опер.

Под конец он так увлекся и распелся, что встал во весь рост и спел своим чудным бархатным баритоном несколько песен и оперных арий. В особенности, с большим темпераментом и подъемом исполнены были песни: «Ноченька», «Стенька Разин» и варнацкая «Тайга». По содержанию своему они, как нельзя более, гармонировали с окружающей обстановкой, и сильный, могучий голос молодого певца вторил голосам зверей, сливаясь в один величественный гимн прекрасной природы.

Певец совершенно забыл о действительной опасности, и увлекаясь звуками, казалось-бросал дерзкий вызов грозным силам дремучего леса. Многократное эхо отражало эти звуки в далеких горах и ущельях.

Я сидел неподвижно, с винтовкой наготове, словно очарованный, весь отдаваясь этим чудным звукам, впервые раздававшимся под сводами девственных первобытных лесов Маньчжурии.

Около часа продолжалось это вокальное состязание человека со зверем.

Наконец, голоса зверей начали мало-помалу ослабевать, звучали реже и совсем стихли. Только до самого утра на том месте, где лежали наши кабаны, раздавались взвизгивания, мяуканье и какая-то возня.

Опасения наши, что тигры попортят нашу добычу оправдались, так как на следующее утро, едва только лучи восходящего солнца осветили горные пики, мы были уже на том месте и обнаружили исчезновение двух кабанов, съеденных хищниками, – остались только головы и концы ног с копытами. По другую сторону Тутахезы, не далеко от берега, нашли мы совершенно свежие следы четырех тигров. Во многих местах снег был вытоптан ими до земли. Кровь виднелась повсюду; на одной лежке даже стояла небольшая ее лужица, натекшая, по-видимому, из раны на боку зверя. Очевидно, здесь был жестокий бой между самцами. Выходные следы зверей шли на запад, вверх по Тутахезе, куда мы за ними и направились, тем более, что в этом же направлении, на берегу реки, находилась знакомая мне зверовая фанза.

Найдя тропу зверолова, мы двинулись по ней. П. шел за мной безмолвно, о чем-то мечтавая; на мой вопрос, – о чем, он ответил, что до сих пор не может очнуться от пережитых впечатлений, т. к. в ушах его все еще раздаются голоса «Звериной ночи» и мозг его работает в этом направлении, над созданием проекта грандиозной по замыслу пьесы. Дальнейшее не входит в план этого очерка; только считаю не лишним заметить, что молодой певец и музыкант П., подававший большие надежды, был убит в первых же боях с австрийцами в Галиции, и унес с собой в могилу свою идею создания великого музыкального произведения, изображающего «Звериную ночь» в дремучей тайге Маньчжурии.

За женьшенем

Вероятно, вам приходилось слышать о корне «женьшень»?

Растение это принадлежит к семейству аралиевых (*Araliaceae*) и растет дико в очень ограниченной области Дальнего Востока, а именно: в Уссурийском крае, в Гириньской провинции Маньчжурии и в Северной Корее. Это многолетнее растение, с травянистым, 75 см длины тонким стеблем, на конце которого сидят 3–4 длинно – черешковых, пальчато-раздельных листа; на стебле они расположены, как пальцы раскрытой руки человека.

Растение это напоминает «чертово дерево» (*Aralia mandjurica*), но листья женьшеня отличаются тем, что они гладкие и края их черешков мало зазубрены. Число листьев очень редко достигает 5–6. Толщина стебля не превышает 1 см в поперечнике. Цветет в августе; цветы мелкие, находятся в соцветиях, в 5–7 см длины; соцветие – простой зонтик с 15–20 цветами; завязь двугнездная; плоды-светло – красные ягоды; семена белые, плоские. Цветы нежно-розовые, редко белые. Корень желтовато-белый, толстый, диаметром редко более 7 см, с черноватой сердцевинкой и многочисленными, мелкими отростками. У основания стебля находится характерная чешуйка, которая не отпадает и с годами увеличивается. Эта чешуйка особенно ценится и тщательно предохраняется от порчи при выделке корня. Знатоки разделяют корни на мужские и женские, определяя это по внешнему виду корня, имеющего самое отдаленное сходство с мужской и женской фигурой.

Ни одно из растений на земном шаре не пользуется такую легендарную славой и таинственностью, как женьшень. С самых древнейших времен, исчисляемых тысячелетиями, растение это известно в тибетской и китайской медицине, и славится, как радикальное средство от многих тяжелых хронических болезней и расстройства всего организма. Корень этого растения в различных формах входит в восточную фармакопею. Без сомнения, в корне этом заложено какое-то действенное начало, которое дает ему такую значительную силу и целебные свойства. В настоящее время этим растением заинтересовалась и европейская медицина: в Америке, Франции и Германии производятся опыты лабораториях – по химическому составу и в клиниках – по терапевтическим его свойствам.

Растение это древнейшего происхождения и является реликтовым остатком третичной флоры. Встречается чрезвычайно редко и растет только в самых глухих горных лесах, на северных склонах, среди густых зарослей папоротника и кислицы. Солнечных лучей оно не переносит, ему вполне достаточно тех лучей, которые проникают сквозь чащу. Кедровый лес, по видимому, ему необходим, по крайней мере его находят только там, где растет сплошной кедровник, или смешанный лес.

Близким родственником женьшеня является чубушник, элеуторококкус (*Eleutherococcus senticosus*), встречающийся в большом количестве в горных лесах. Растение это, как более сильное, вытесняет женьшень; вот почему последний растет только там, где нет чубушника.

Вследствие уничтожения кедровых лесов, а также от лесных палов и истребления его человеком, женьшень относится к вымирающим растениям местной флоры и не далеко уже то время, когда это драгоценное, таинственное растение исчезнет с лица земли. Чрезвычайная его редкость и огромный, возрастающий спрос подняли цену на «корень жизни» до невероятных размеров: так, самый высший сорт женьшеня оценивается иногда в 2 или 3 тысячи золотых рублей за корешок!

Такова цена дикого корня, но в продаже имеются еще другие сорта женьшеня, а именно – культурного, или искусственно выращенного на особых плантациях. Такой, культурный корень ценится сравнительно недорого и также делится на сорта по возрасту, внешнему виду и качествам. Цена культурного – от 3 до 50 золотых руб. за штуку. Разведением такого женьшеня в последнее время в больших размерах занялись в Америке, а также – в Корее (японцы). Восточ-

ная медицина не признает культурного женьшеня, отрицая его целебные свойства, а потому и цена на него стоит сравнительно низкая.

У китайцев и у всех народов Дальнего Востока существует множество легенд о женьшене. Происхождение этих легенд и народных сказаний теряется во тьме веков. Растение это одухотворено и обладает сверхъестественной силой, присущей божеству. Оно может превращаться в любое животное, в человека, в растение и во что угодно. Поэтому, найти его может только достойный. Такой ореол таинственности, славы и обаяния, соединенный с этим растением, свидетельствует о том значении, какое имеет «корень жизни» для народов Восточной Азии.

Сравнительная редкость и дороговизна дикого женьшеня, выработали в продолжение многих веков особый, интересный тип «искателей женьшеня». Большею частью, это – бездомные люди, выходцы из внутренних провинций Китая, ушедшие в горы и леса от суеты мирской и посвятившие себя этому трудному промыслу, под влиянием внешних, неблагоприятных условий современного социального строя.

Многие из них занимаются этим делом почти всю свою жизнь, с юношеских лет до глубокой старости. Внешность их так же типична и оригинальна, как и внутреннее содержание. Отличительными признаками этих лесных бродяг являются: промасленный передник, для защиты одежды от росы; длинная палка, для разгребания листвы и травы под ногами; небольшая кожаная сумочка, для носки необходимых вещей и предметов промысла: деревянный браслет на левой руке и барсучья шкурка, привязанная сзади к поясу. Шкурка позволяет садиться на сырую землю и бурелом. На голове, обыкновенно, конусообразная берестяная шляпа. На ногах – улы из невыделанной кожи кабана.

Среди толпы китайцев искателя женьшеня всегда можно узнать по этим признакам: кроме того, блуждающий взор его, опущенный книзу, выдает его ремесло.

Жизнь, полная лишений, тревог и опасностей в дремучих лесах, наложила на этих людей особый отпечаток аскетизма и подвижничества. Это – человек, превратившийся в особое существо с хитростью и умом китайца, чутьем волка, глазом сокола, ухом зайца ловкостью барса. Человек и зверь соединились в нем в одно целое, создав интересный, оригинальный тип лесного скитальца, в душе которого развились поэтические струны любителя природы. Весь мир его – в тайге; мирозерцание его не выходит за ее пределы. Здесь провел он свою долгую скитальческую жизнь, здесь же он сложит свои кости в непрестанной борьбе за существование, одинокий, оторванный от людского мира, на лоне дикой, прекрасной природы. Как истый сын Востока, верящий в рок и предопределение, суеверный до мозга костей, он безропотно и безмолвно несет бремя подвижнической жизни, не стремясь к улучшению ее условий.

Опасное и трудное ремесло его не обогащает. Продукты промысла сдаются, обыкновенно, за бесценок, в главную в этой местности торговую фирму, имеющую колоссальную прибыль в этом деле.

Почти каждый дикий корешок женьшеня, омыт потом и кровью полудикого таежника и имеет свою историю, чреватую глубоким, непередаваемым драматизмом.

Ежегодно, с начала июня, искатели женьшеня отправляются в тайгу за драгоценным корнем. Идут в одиночку и, редко вдвоем, без всякого оружия, с одной только верой в успех и надеждой на милость великого властелина гор и лесов (могучего тигра). В лохмотьях, полуголодные и изможденные, они скитаются по делям тайги в поисках таинственного «пан-цзя», как называют местные маньчжуры женьшень.

Много их погибает от голода и пропадает без вести еще больше делается жертвой диких зверей; но это несколько не уменьшает их рвения и стремления уйти в леса. Чем больше лишений и опасностей, тем больше надежды найти корень. Для человека вооруженного, порочного и безнравственного найти женьшень невозможно, так как от такого человека корень уходит глубоко в землю, горы начинают колебаться, лес – стонать и из зарослей выходит «Ван», грозный владыка тайги, хранитель женьшеня, – тигр, и разрывает дерзкого искателя.

Такова сущность поверья, связанного с добыванием пай-цзя, великого корня жизни. Слово женьшень в буквальном переводе означает «человек-корень», т. е. корень, обладающий человеческими качествами.

Существует сказание о зарождении женьшеня из молнии. Если молния ударит в чистую, прозрачную воду горного источника, последний исчезает и уходит в землю, а на месте его вырастает женьшень, который хранит в себе силу небесного огня, силу неиссякаемой мировой энергии. Вот почему женьшень иногда называют «шан-дянь-шэнь», т. е. корень молния.

В Китае и Тибете легенд и сказаний о женьшене великое множество, ими можно было бы наполнить объемистые тома, но мы ограничимся вышесказанным и перейдем к повествованию о моих личных наблюдениях и впечатлениях, вынесенных из скитаний по необозримым девственным лесам Восточной Маньчжурии, совместно с искателями, в поисках таинственного «корня жизни».

Во время моих экспедиций и странствований по краю в целях охоты по крупному зверю и исследованию его природы, мне неоднократно приходилось встречаться с этими лесными бродягами, но благодаря из замкнутости и скрытности, мне не удавалось познакомиться поближе с их жизнью и бытом, а потому, в конце концов, у меня явилась идея побродить по тайге совместно с одним из этих интересных тружеников, предложившим мне свои услуги и давшим свое согласие.

В кедровниках верховьев реки Лянцзухэ жил древний старик – зверолов, по прозванию Хосин; несколько лет подряд я останавливался в его фанзе, когда приходил в те места на охоту, и старик, очень расположенный ко мне, рассказывал часто о своей жизни, о прошлом и о таежном быте. Между прочим, от него же я узнал, что летом он, как и все звероловы, занимается поиском женьшеня.

Тогда там стояли еще дикие, нетронутые кедровники. Всякого зверя водилось много. Женьшень также встречался довольно часто в глубоких ущельях и падах Лао-лина. Теперь там вырублен почти весь кедр концессией Ковальского и женьшеня нет и в помине, но в старину окрестности скалы Балалазы и горы Тиколазы отличались обилием женьшеня. Зверовая фанза Хо-сина находилась у подножья Тиколазы.

В конце июня к этой фанзе, отстоящей от линии Китайско-Восточной железной дороги в 40 верстах к северу, мы и отправились, вместе с хозяином ее, ранним летним утром, со станции Ханьдаохэцзы. Никакого оружия, согласно указаний Хо-сина, я с собой не взял, только на поясе у меня висели небольшой охотничий нож и походный топорик, – на случай заготовки дров в тайге и постройки шалаша.

Не буду утомлять читателя подробным описанием наших скитаний по бесконечным горам и лесам Шухая (Шу-хай-лесное море); интересных таежных встреч с дикими его обитателями, зверями и хунхузами; многочисленных ночевок у костерка, на берегу горных речек; поисков таинственного женьшеня в густых зарослях лесной чащи, и других эпизодов нашей скитальческой жизни, полной захватывающего интереса и непередаваемого очарования.

Таким образом, странствовали мы вдвоем с Хо-сином в продолжение четырех недель, обходя все укромные уголки тайги и исследуя каждый распадок в поисках пан-цзя.

Идя поперек западных отрогов Лао-лина, мы дошли почти до Сунгари, но, выйдя из тайги к возделанным местам, повернули назад, направляясь вверх по течению Лянцзухэ к фанзе Тиколазы. В берестяной коробочке Хо-сина, аккуратно завернутые в шелковые тряпочки, находились уже три корешка женьшеня. Старик был доволен своей добычей, так как такое количество корешков взять за один сезон считается исключительной удачей.

Последний корешок найден был в одном из глубоких ущелий восточного склона Тиколазы. Мы предварительно долго и упорно блуждали по зарослям, разгребая палками листву и сплошную сеть вьющихся растений, покрывавшую землю, в надежде увидеть знакомые нам листья и цветочные бутоны растения, но поиски наши были тщетны. Старик взбирался уже на

самую вершину Тиколазы, где у него построена была небольшая кумиренка на выступе скалы. Там совершал он моления и приносил жертвы духу гор и лесов, но могучий Ван, по-видимому, был неумолим и не желал показать нам охраняемый им пан-цуй. Ночуя у костра в каменных трущобах горы Тиколазы, мы неоднократно слышали голос грозного владыки и слабые, вроде кошачьего мяуканья, голоса его детей.

В те времена в пещерах горы тигры выводили своих детенышей и в ясные летние ночи можно было слышать, сидя у спасительного огонька жалобные голоса тигрят и довольное мурлыканье взрослых. Иногда, очевидно, из любопытства, звери подходили к нашему костру, но держались, все же, на почтительном расстоянии. Фосфорический свет их глаз мелькал тогда блуждающими огоньками на темном фоне зарослей, и слышны были их мягкие, крадущиеся шаги по камням и скалистым утесам, причем на нас сверху сыпались с характерным звуком щебень и мелкие камешки.

Опытный искатель корня несколько дней водил меня в районе горы, говоря, что здесь непременно должен быть пан-цуй, по определенным, одному ему известным признакам. И, действительно, после нескольких молений горному духу и тщательных поисков, мы подошли к высокому гранитному утесу, на вершине которого вековые кедры вздымали свои темные ветви к голубому небу. Внизу, среди густых зарослей папоротника и актинидий, скромно приютился невзрачный стебелек женьшеня. Отличить его в этой массе листьев, травы и зелени мог только опытный и зоркий глаз таежника.

Увидев драгоценное растение, старик остановился, как вкопанный, отбросил от себя палку в сторону, закрыл глаза рукою, упал на землю ниц и стал произносить молитву для умилоствления божества. Молитва эта, приблизительно, такова: «Великий дух, не уходи! Я пришел сюда с чистым сердцем и душой, освободившейся от грехов и злых помышлений! Не уходи!»

Произнеся эти слова, Хо-син решил взглянуть на растение. Я стоял немного поодаль и наблюдал всю эту процедуру. Затем старик тщательно исследовал окружающую местность, перебрал руками все соседние растения и только убедившись, что поблизости нет другого пан-цуя, приступил к выкапыванию корешка, для чего у него имелись всевозможные специальные инструменты, в виде особых лопаточек, шильев, ножей, скребков, ножниц и палочек. Возраст женьшеня был настолько значителен, что он представлял уже большую ценность. Надо сказать, что молодые экземпляры растения не выкапываются из земли, а оставляются на месте на год, два и более, чтобы корешок «дошел».

Цветочного стебелька у растения не было, он оказался обломанным и торчал на вершине стебля в виде пенька, вышиной в 3 см. Длина корня вместе с мочками не превышала 1/3 четвертей. Листьев было 4 шт., каждый – пяти пальчатый.

Длина стебля – 2 четверти.

Отряхнув его от песка и земли, Хо-син тщательно завернул драгоценный корешок в тряпицу и положил в берестяную коробку, находящуюся в походной сумке. Затем, опять совершив благодарственное моление горному духу, сделал на коре дерева затеску, поставив острием ножа какой-то знак на таинственном языке «Шу-хуа». Знак этот обозначал, что здесь найден был пан-цуй.

Часа через два мы были уже в фанзе старика. Солнце склонялось к западу... Вечерело...

Наскоро поужинав, похлебав жидкого супа из чумизной крупы, мы занялись приготовлениями к ночлегу, при свете примитивной лампы, состоящей из кусочка скрученной ваты, положенной на край глиняного черепка, на дне которого темнела густая масса бобового масла. Копоть и дым от этого светильника наполняли всю внутренность фанзы, так что у меня от непривычки в носу щекотало, и я принужден был выйти на свежий воздух.

Таежная ночь приближалась. Ночные тени легли на долину горной красавицы Лянцзухэ, на пади и ущелья Тиколазы. В глубине темного неба заискрились звезды. В приречной уреме кричали козы и из чащи лесной доносилось уханье горного филина...

Войдя в фанзу, я застал старого Хо-сина за очисткой корня от остатков земли. Промыв все мелкие корешки и мочки, он положил его на чистую бумагу на теплых канах, для просушки. Дальнейшая обработка корня состоит в его консервировании впрок; в этом виде он поступает в продажу. Этим делом занимаются уже специалисты, сохраняющие свое искусство в глубокой тайне. Окончив очистку корня, старый искатель вышел из фанзы, притворив за собою дверь.

Я улегся на теплых канах, подложив под себя пушистую шкуру горала, и стал прислушиваться к ночным звукам, доносившимся с реки и из чащи дремучего леса, стоявшего со всех сторон непроницаемую, черной стеной. Предположения мои, что

Хо-син молится у своей домашней кумирни, на опушке леса, оправдались, так как вскоре металлические звуки чугунного колокола нарушили торжественную тишину таежной ночи и, вибрируя на одной ноте, понеслись над затихшею землей, то усиливаясь, то ослабевая; и далекое горное эхо вторило этим звукам, отражаясь в глубоких падах и ущельях Тиколазы.

Долго молился старый лесной бродяга, благодаря могучего горного духа за богатую добычу. Звуки чугунного колокола, рокотавшие в лесной чаще, становились все тише и тише и постепенно замерли в далеких тайниках угрюмой тайги.

Я стал уже засыпать и, сквозь одолевшую меня дрему слышал, как пришел старый Хо-син, раскурил у очага свою длинную трубку и затих. Не будучи в состоянии преодолеть сна, я мельком взглянул на старого таежника и увидел его, сидящим на корточках перед очагом; во рту его дымилась трубка и взор был обращен на тлеющие угли; красное пламя последних отражалось бликами в его глазах; мысли мои путались, и я видел перед собой, не то на яву, не то во сне гигантскую фигуру труженика леса, освещенную красными лучами нарождающейся зари...

Людоед

Стоял ноябрь месяц. Снег только что выпал и покрыл тонким белым покровом горы и леса Лао-лина.

Промышленники, ждавшие с нетерпением этого времени, небольшими партиями, или в одиночку, ушли на промысел.

В числе этих промышленников были и мои постоянные спутники по охоте-Арсеньев и Пашков, отправившиеся к горе Бейшилазе за козами и горалами, водившимися в тех местах в изобилии.

По первой пороше следы зверей были видны, как печатные.

Пройдя версту вместе, охотники разделились и пошли по следам двух партий коз. Пашков пошел вверх по пади, а Арсеньев, перейдя через падь, отправился на Бейшилазу, куда вели следы коз. Условились встретиться к вечеру на перевале у горы Бейшилазы. Пашков, убив двух коз и выпотрошив их, оставил их на месте и пошел на перевал, где должен был встретиться с товарищем. Солнце уже скрылось за скалистые гольцы Бейшилазы, и таежные тени стали гуще, когда охотник достиг перевала, присев на кедр, поваленный бурей.

Пашков долго поджидал своего компаньона и, когда луна выплыла на темный небосвод, бросив в тайгу свои бледные лучи, ушел с перевала, решив, что Арсеньев зашел слишком далеко и не может выйти к условленному месту.

Связав убитых коз за шеи и перекинув веревку через плечо, Пашков отправился в обратный путь, к линии железной дороги.

В полночь он был уже дома. На следующий день он снова ходил на то же место и взял еще двух коз. Арсеньев не возвращался и вечером следующего дня. Пашков пришел ко мне и сообщил об этом тревожном событии.

– А как твое мнение, – спросил я его, – куда он мог деваться, не мог же он заблудиться?

– Заблудиться? Нет. Но я думаю, что с ним стряслась беда. Ведь продуктов он взял только на один день, – ответил мне с тревогой Пашков и прибавил:

– Не пойдешь ли со мной искать его. Сердце мое чует недоброе. На перевале я видел свежие следы тигра. Не вышло ли какой ошибки у Арсеньева. Зверь строгий и хитрый. Неровен час. Не долго и до греха. Пойдем завтра с утра – следы печатные.

– Ну, что же пойдём. Только надо взять с собой собаку, это облегчит наши поиски-согласился я на просьбу промышленника, в надежде поохотиться на интересного хищного зверя.

Я был почему-то уверен, что Арсеньев далеко зашел и должен скоро вернуться, т. к. не мог допустить, что он погиб в неравной борьбе со зверем.

На следующее утро, едва только засерело небо, мы с Пашковым шагали по мягкой пороше, поднимаясь на крутые предгорья Бейшилазы, придерживаясь следов пропавшего охотника. Собака наша Волчок бежала впереди, обнюхивая следы и часто останавливаясь, по-видимому, что-то соображая. Несколько раз следы охотника пересекали следы тигра. Чем выше поднимались на вершину, тем чаще встречались следы хищника. Очевидно, зверь находился где-то в гольцах, на самой вершине. Собака наша, хотя и опытная в охоте на крупного зверя, стала нервничать и беспокоиться и в конце концов отходила от наших ног, вздрагивая при малейшем шорохе и шуме в лесу. Тигровые следы были старые. Арсеньев шел все время в гору, очевидно, намереваясь добыть тигра. Несколько раз он останавливался и топтался на месте, затем опять шел вверх, взбираясь по гребню на вершину горы.

Мы находились уже у подножья гольцов, которые обрисовывались своими острыми силуэтами на синеве неба. Вдруг Волчок сразу присел на задние лапы, задрожал всем телом и завыл, сначала тихо и глухо, а затем протяжно и жалобно. Мы остановились и, пораженные, смотрели

то на собаку, то на лежащий перед нами колоссальный кедр, упавший поперек гребня хребта, по которому мы шли.

– А, ведь, Волчок чует недоброе. Быть беде, – произнес с уверенностью мой приятель. В тоне голоса его я заметил дрожащие нотки смятения и тревоги. Я молча смотрел на эту сцену и машинально поставил свою трехлинейку на боевой взвод. Никакие понукания на собаку не действовали, она упорно не двигалась с места и как бы окаменела.

Перед нами возвышался гигантский ствол кедр. Подойдя к нему, я увидел почти под ним какой-то темный предмет. Это оказалась шапка Арсеньева. Тут же на снегу была вытоптана большая площадка и множество следов тигра. Сверху на коре кедр виднелся белый пучок пушистого меха тигра с брюха. За кедром следов человека больше не было, но зато ясно выделялись следы хищника, который, очевидно, сделал засаду и бросился на охотника неожиданно из-за кедр и сгреб его в мгновение. Здесь же, в трех шагах, нашли мы винтовку злосчастного промышленника; она лежала, уткнувшись дулом в заросли, ремень ее был оборван, курок стоял на боевом взводе. Суммируя все виденное и сопоставляя факты, мы пришли к определенному решению, что Арсеньев погиб в когтях тигра, который бросился на него из засады. Быстрота нападения и стремительность были таковы, что охотник не успел даже вскинуть винтовку к плечу и выстрелить.

Постояв на этом месте и разобрав дальнейшие следы зверя, мы по ним начали спускаться в глубокую падь, в роде узкого ущелья, заросшего густым орешником.

Волчок перестал выть и робко, дрожа всем телом, следовал за нами, постоянно останавливаясь и озираясь по сторонам. Видно было, что он одержим паническим страхом и ужас светился в его глазах.

Спуск был очень труден, вследствие крутизны и густых зарослей. Следы показывали, что тигр нес свою жертву в пасти, взяв тело за поясицу, т. к. ноги человека часто бороздили снег и цеплялись за кусты и деревья.

В глубине пади, под старым могучим кедром нашли мы остатки съеденного тигром промышленника. Снег на этом месте протаял до земли и был окрашен по своим окраинам в желтовато красный цвет от крови.

Здесь нашли мы только лицевую часть черепа, обглоданную до кости, одну кисть руки, которая была туго затянута рукавицей, обе ступни ног, обернутые в портянки и бродни, и часть костей таза, все остальное отсутствовало, очевидно, было съедено хищником. Здесь же валялись обрывки одежды охотника, изодранные в клочья. Тут же, на земле, пропитанной кровью, лежал красный кисет с табаком и коробка спичек, – все было раздавлено, и спички рассыпались.

Вот все, что осталось от охотника Арсеньева, с которым мы не раз промышляли зверя в тайге Лао-лина и делили радость и горе охотничьей жизни.

Волчок, несмотря на наш зов, держался в стороне и не подходил к страшному для него месту. Он сидел в отдалении, пока мы возились с укладыванием остатков в принесенный с собой мешок, и завывал тонко и жалобно, поднимая свою острую мордочку кверху.

Наевшись до отвала, хищник тут же лег отдыхать, и место, где он лежал, также протаяло до земли, резко обрисовывая его колоссальную фигуру.

Судя по следам, тигр был очень крупный и вес его мог достигать 320 килограмм.

Встреча охотника с тигром произошла в первый же день охоты, таким образом, до того дня, как мы сюда пришли, прошло уже трое суток, и свежих следов зверя не было. Для нас стало очевидным, что преследовать его бесполезно, а потому, пройдя по следам еще до двух километров, мы повернули назад, к тому месту, где оставили мешок с печальными остатками человека.

Солнце уже перевалило за полдень и ярко светило с вышины безоблачного синего неба. В лесу было тихо и безмятежно-спокойно. Величественная природа, прекрасная в своем суровом

покое, была безмолвна и равнодушна. Над вершинами деревьев, каркая, летали вороны. Они чуяли добычу и беспокоились.

Пашков, вначале разговорчивый, теперь стал угрюм и молчалив по сосредоточенному его виду можно было судить, что он многое переживает в своей бесхитростной, несложной душе; катастрофа с товарищем произвела на него потрясающее впечатление.

– Я чувствовал, что Арсеньеву несдобровать, – говорил он сам с собой, усиленно раскуривая коротенькую трубку носогрейку, – так оно и вышло. Да, от судьбы не уйдешь. Что кому положено, то и будет. Видно, его уж такая планида.

Философские реплики Пашкова изредка прерывались завываниями Волчка, чувшего что-то грозное и неотвратимое.

Собрав все остатки погибшего и клочки его одежды в мешок, мы возвращались обратно к линии железной дороги. Солнце склонялось уже к западу, и вечерние тени в тайге удлиннились и потемнели. Мы быстро спускались с крутого гребня Бейшилазы. Пашков нес наши винтовки; у меня за плечами был мешок со страшной находкой. Мы шли без остановок, углубившись в свои думы. В лесу было тихо; слышались только постукивание дятлов и протяжный свист самцов-рябчиков.

До линии железной дороги оставалось уже немного. Мы вышли на последний перевал, откуда открылся чудный вид на широкую долину Май-Хэ, по которой извилистой лентой обозначалось полотно дороги, с его сооружениями, выемками, насыпями, постройками, станциями, полями и огородами. На востоке темнела своими дремучими кедровниками громада Лаолина.

Ночь приближалась. Надо было торопиться. Немного отдохнув, мы начали спускаться с перевала. Волчок, шедший все время за нами с понурой головой, вдруг выбежал вперед и потянул носом в сторону. Всмотриваясь в лесные прогалины, мы увидели группу косуль в шесть штук. Четыре лежали, а два козла бродили около, срывая с кустов засохшие листья. До них было не больше двухсот шагов.

Пашков, шедший впереди, вскинул винтовку. Щелкнул сухой выстрел и ближайший козел, сделав скачок вперед, упал на колени, а затем на бок. Лежащие козы вскочили на ноги и одно мгновение стояли неподвижно, как изваяния, а затем сорвались с места и огромными прыжками пошли от нас вверх по косоугору. Прозвучал еще один выстрел, но безрезультатно. Мелькнув последний раз в зарослях белыми «платочками», козы скрылись из глаз.

– Вот досада, кажется, промазал, – произнес охотник, опуская винтовку и провожая жадными глазами убежавших зверей. Козел лежал на боку. Пуля поразила его в сердце, судя по ране, в области передней лопатки.

Наскоро выпотрошив добычу и привязав за голову к поясу. Пашков поволок ее по снегу легко и свободно. Волчок бежал сзади, слизывая со снега капли крови, оставшиеся на следу.

К линии дороги мы вышли поздно. Полная луна показалась над зубчатым гребнем горного хребта, освещая темную тайгу своими холодными лучами. Только к полуночи добрались мы домой, принеся с собой добычу и печальные остатки трагически погибшего товарища.

Таинственные знаки

Кто бывал в дремучей тайге Маньчжурии и нашего Дальнего Востока, и бродил по ее звериным тропам, тот, вероятно, знает, кое-что о таинственном языке условных знаков, встречающихся там на каждом шагу на деревьях, кустах, камнях и других местных предметах. Эти условные знаки являются единственным немым «языком тайги», называемым таежными обитателями «Шу-хуа», что означает «лесной язык». Происхождение его весьма древнее и, вероятно, скрывается в глубине веков, когда первобытный человек, не имея письменности, выражал свои мысли примитивным способом, в виде простых, несложных знаков и изображений на окружающем его подручном материале. Этот язык, являясь родоначальником позднейшей письменности, сохранился до сих пор во всей своей неприкосновенности в диких, некультурных странах, где примитивная жизнь человека всецело зависит от окружающей его природы. В нашей тайге язык этот применяется ее обитателями при всех передвижениях, в поисках зверя или человека, для указания направления и в других случаях, когда это признается необходимым, как для себя лично, так и для других заинтересованных лиц. В большей или меньшей степени язык этот известен всем таежникам и все условные знаки имеют свой определенный шаблон, выработанный практически и на основании известных традиций. Количество знаков этого языка очень велико и, вероятно, доходит до нескольких сот.

Всех таежных обитателей, по профессиям, можно разделить на следующие категории: звероловы, охотники, хунхузы, золотоискатели, рыболовы, искатели женьшеня, собиратели грибов (му-эрр) и дровосеки. Члены всех этих профессий живут между собой очень дружно. Взаимоотношения их регламентируются не писанными законами, а обычаями, установленными самой жизнью в суровых условиях тяжелой борьбы за существование.

По существу, все условные знаки можно разбить на несколько типов, а именно: 1) затесы на стволах деревьев, с разнообразными на них значками показательного характера; 2) заломы ветвей; 3) завязки ветвей; 4) срезы ветвей; 5) особая укладка камешков; 6) зарубки на стволах и т. д.

Существуют еще и другие типы, но шесть главных здесь перечислены.

Солидарность друг с другом и чувство взаимопомощи заставляют таежного человека делать необходимые указания, с целью облегчить промышленнику его тяжелый труд, сопряженный с опытностями и лишениями, лицом к лицу с суровой беспощадной действительностью.

Необычайно тяжелые условия жизни и промысла в дикой, первобытной тайге выработали свой особый оригинальный социальный строй, основанный на превосходстве реальной силы, и, в тоже время, при участии этически гуманитарных начал, как-то-взаимного доверия, взаимопомощи и сострадания. Такое странное сочетание противоположных этически-нравственных элементов, как господство грубой силы и сострадание к слабости, объясняется всей сущностью таежной жизни, при бессилии человека в борьбе с грозными силами природы. Сила, как она есть, и в чем-бы она не выражалась, без сомнения, должна быть преобладающим началом в этой первобытной борьбе за жизнь, но, параллельно с этим, и другие гуманитарные элементы человеческого взаимоотношений находят себе место в этом древнем социально-правовом строе.

Лесной обитатель, таежник, представляет собой оригинальный отживающий тип, выработанный исключительными условиями жизни, вне влияния культуры и цивилизации. Его психология и мировоззрение имеют мало общего с таковыми современного культурного человека. Его физический и духовный облик вполне гармонируют с окружающей лесной стихией и соответствуют тем требованиям, какие предъявляет сама жизнь и крайне трудная, опасная профессия. Хитрость лисицы, выносливость тигра, чутье собаки, глаз сокола, ухо зайца, вот-характерные качества старого лесного бродяги, приобретенные и усовершенствованные в тайге.

Человек и зверь соединились в нем, но зверь не заглушил в нем человека. Материалист уживается в нем рядом с мечтателем, поэтом и философом. Одинокая жизнь в пустыне, полная опасностей, наложила на него свой отпечаток, свое клеймо.

Совершая передвижение по тайге, он весь превращается в зрение и слух, ничто не ускользает от его внимания! Зная закон тайги, дающий право на жизнь сильнейшему, он всегда начеку, всегда готов к борьбе на жизнь и смерть. Религиозные убеждения его не выходят из рамок узкого материализма; одухотворяя природу, он создал себе особый культ, отражающийся на всем быте его и укладе жизни.

Таков таежник, лесной обитатель! Этот тип сохранился не только у нас, в Маньчжурии, но и в других странах, где существуют обширные девственные леса, где культура не смела еще с лица земли ее природное первобытное украшение. Этот оригинальный и красивый человеческий тип воспет в мировой литературе и знаком нам по романам Купера и Майн Рида.

Язык тайги, о котором идет здесь речь, очень мало, или даже почти совершенно неизвестен русским, живущим в Маньчжурии и на нашем Дальнем Востоке. Причина этого явления, без сомнения, кроется в отсутствии у местного русского населения интереса к тому народу, с которым ему приходится сталкиваться и жить бок о бок.

Язык тайги, как характерный выразитель психологии лесных обитателей заслуживает всестороннего изучения не только с точки зрения принципиальной: он открывает перед нами завесу, скрывающую неизвестную нам трудовую жизнь.

Во время моих скитаний по горам и лесам Маньчжурии, мне часто приходилось не только встречаться, но и жить среди этих простых и наивных, и, в тоже время, мудрых тружеников леса, посвятивших меня в тайны их первобытного лесного языка, научивших понимать красоту и величие вселенной, и читать ее открытую книгу, написанную искусною рукой вечно-молодой, прекрасной природы.

Встреча с хунхузами

Был июнь месяц, – самое лучшее время в Маньчжурии для пантовки.

Период дождей еще не наступил и летняя жара, хотя и давала себя чувствовать, но переносилась сравнительно легко.

Верстах в двадцати к северо-востоку от станции Ханьдаохэцзы я устроил несколько солонцов, для привлечения изюбрей, и предполагал заняться пантовкой, т. е. боем самцов, имеющих еще молодые, неокостеневшие рога, называемые китайцами Лу-жунь и ценимые ими весьма высоко за их несомненные целебные свойства.

Местность была очень пересеченная, наполненная довольно крутыми, каменистыми отрогами хребта Лао-лина, покрытыми редкими дубняками. Среди этих лесов, на горных перевалах находились мои солонцы. Здесь же, в одном из распадков, у чистого горного ключа, приютился мой незатейливый шалаш из дубовых веток и луговой травы. В этом примитивном жилище я проводил жаркое время дня, а на ночь располагался на окраине одного из солонцов, в ожидании прихода изюбря с драгоценными пантами.

Время летело незаметно. Добытые панты, вырубленные с лобной костью, я относил на станцию для продажи, а сам на другой же день возвращался к своему шалашу и продолжал охоту.

Много времени утекло с тех пор. Давно это было. Но я с удовольствием и с какой-то затаенной грустью вспоминаю это былое.

Картины и многие эпизоды таежной жизни встают передо мной и образы минувшего заслоняют настоящее и его осязаемую действительность. Один из этих ярких образов, резко выделяющихся на фоне дикой, первобытной тайги, я и хочу начертать.

Вечерело. Солнце скрылось уже за зубчатыми гребнями Лао-лина, и ночные тени протянулись по склонам хребтов и легли поперек глубоких ущелий. Жара спала, и живительная прохлада повеяла со дна сырой, заболоченной долины.

Разведя небольшой костер у шалаша, я занялся приготовлениями к предстоящему сиденью на солнце. Темнело быстро и я не заметил, как первые яркие звезды заискрились на побледневшем горизонте. Тишина была полная, только где-то далеко, далеко бухала выпь и в глубине соседнего ущелья изредка перекликались болотные совы. Я уже был готов и собирался уходить на ближайший солонец, как вдруг, неожиданно, до слуха моего долетели необычные здесь звуки человеческого голоса.

Я насторожился и; помня суровый закон тайги, схватив всегда заряженную винтовку, отбежал в противоположную сторону и стал за ствол первого попавшегося дерева. Крики болотных сов стали слышнее и чей-то низкий человеческий голос раздавался в ночной тишине. Ожидать пришлось недолго. Вскоре из темноты показалась высокая фигура человека с мешком за плечами. Постояв немного у опушки, незнакомец направился к моему шалашу и, сбросив грузный мешок у костра, выпрямился во весь свой гигантский рост.

«Эй! Кто здесь! Выходи!» – раздался низкий, громоподобный голос пришельца, и я сейчас-же узнал своего приятеля, промысловика охотника, Акиндина Бобошина, с которым не раз делил радость и горе в диких лесах Маньчжурии. Я вышел из своей засады и крайне удивил Бобошина своим появлением.

«Пенсе! Это ты!?» – вскричал он, гаркнув на весь лес и принимая меня в свои могучие объятия.

«Я здесь не один, со мной хунхузы, но ты не опасайся: это, «народ смиренный и худа не сделают!» – проговорил он после взаимных приветствий и расспросов. Затем, приложив палец к губам, он издал звук, похожий на крик болотной совы, ему ответили тем же из чащи и, вскоре, мы были окружены толпой вооруженных китайцев.

«Вот, видишь-ли, я добыл панты и несу их на Хантахезу продавать; да по дороге встретил этих... Эй! Тун-Сан!» – обратился он к высокому хунхузу, отдававшего другим какие-то распоряжения. Обоюдного объяснения их на китайском языке я не понял, но судя по всему, промысловик, указывая на меня, делал ему какие-то наставления и указания, на что Тун-Сан отвечал только «Син! Син!...»

Хунхузов было человек пятнадцать. Одежда их отличалась опрятностью и однообразием. Вооружение также. Почти все были высокого роста, коренасты и хорошо сложены. Выражение глаз их поражало своей серьезностью и даже суровостью. Они были сдержаны и молчаливы. Бесшумно развели еще несколько костров и занялись чаепитием. Сам Тун-Сан лично расставил вокруг становища часовых и возвратился к нашему костру, у которого мы с Бобошиным расположились поудобнее на разостланной изюбровой шкуре. Я отложил свое намерение идти на солонец, предпочитая провести время в такой интересной, теплой компании.

Темная таежная ночь окутала землю. Где-то поблизости кричали козлы и весело потрескивали костры, освещая фигуры китайцев и стволы ближайших деревьев.

Тун-Сан, выпив предложенного ему чаю, поджав под себя ноги, сидел у костра, посаывая массивный каменный наконечник, длинной трубки. Его лицо, темно-бронзового цвета, было сурово и неподвижно. Черные зрачки его косо прорезанных глаз устремлены были на красноватое пламя. Вся его фигура изобличала непреклонную силу воли и властность. Это был известный популярный среди таежных обитателей нингутинского района предводитель нескольких хунхузских шаек, оперировавших к северу от линии Китайско-Восточной железной дороги, вплоть до Сансина.

Пока Бобошин занят приготовлением ужина, в виде шашлыка из изюбровой вырезки, обратим внимание на его далеко необычайную наружность.

Очень высокого роста (около 2 ар. 13 вер.), сухощавый, широкий в кости он обладал громадной физической силой. Большая голова его сидела на длинной, жилистой шее, длинные ноги и руки и громоподный бас производил импонирующее впечатление на маленьких, тщедушных звероловов, в фанзах которых, он жил иногда подолгу. Бороду и голову он брил обломком перочинного ножа, носимого в кармане кожаной куртки. Широкое, скуластое лицо, посреди которого возвышался большой, горбатый нос, было неопределенного цвета по той причине, что воду и мыло оно видело редко, зато постоянно подвергалось различным внешним влияниям климата и других факторов. Небольшие, но выразительные глаза смотрели смело и задорно, а в гневе сверкали, как у волка. На вид ему было лет сорок.

По происхождению, он был из крестьян Забайкальской обл. и до поступления на военную службу занимался хлебопашеством, а зимой – белкованьем. Отбыв срок действительной службы, он поступил в Охранную Стражу строившейся Китайско-Восточной железной дороги. По окончании службы в Страже, остался здесь, увлекшись охотой, простором и свободной жизнью зверобоя-траппера.

Отличный стрелок, смелый и отчаянный до безумия, великолепный следопыт и знаток тайги, он добывал много зверя и выручал хорошие деньги; но свободная натура его, дикая и бесшабашная, была причиной того, что Бобошин всегда сидел без гроша, оборванный, грязный и нищий. Убив зверя, он тащил его на станцию, продавал за бесценок, и вырученные деньги, подчас немалые, пропивал с товарищами и друзьями в притонах Ханьдаохэцзы или Имяньпо. Пил он горькую, пока не пропивал всего, включительно до винтовки. Попойки зачастую оканчивались скандалами и драками и Бобошин, пьяный мертвецки, почти голый, выбрасывался честной компанией на улицу. Иногда же судьба окончательно от него отворачивалась и, в конечном итоге, он попадал в полицейский участок.

Зачастую, и не без усиленных хлопот, мне приходилось выручать его и освобождать из узилищ, с возложением на себя ответственности за последствия. Один раз ему угрожала даже тюрьма и ссылка на поселение.

Каждый раз, после такой передряги и более или менее продолжительной высидки при полиции, он чистосердечно каялся в грехах, ревел как белуга, и давал мне клятвенное обещание исправиться и изменить свое поведение, но, разумеется, все эти благие намерения разбивались вдребезги, когда Бобошин менял свое зверье на деньги и становился лицом к лицу со всеми соблазнами изнанки городской культуры, в виде бесчисленных батарей бутылок в грязных притонах станционных поселков.

Этот богатырь и грозный таежный зверобой, ходивший один с ножом на медведя и меткою пулей сваливший уже не одного владыку лесов, – могучего тигра, становился слаб и беспомощен, как ребенок, перед соблазнами пьянства. Протрезвившись и придя в себя, угрюмый и суровый, он обходил своих более или менее хороших знакомых и друзей, русских и китайцев, которые и снабжали его в тайгу всем необходимым. Будучи на промысле, он не позволял себе никаких вольностей и излишеств, и жил в тайге иногда подолгу – от 2 до 4 месяцев.

Жил он там, кочуя по фанзам звероловов, охотился и добывал пушнину, в то же время помогая, чем мог, своим приятелям-коллегам, которые уважали его не только за духовные и физические качества, но и за отсутствие в нем племенной гордости. Он был с ними за пани брата, и они считали его своим. Называли его обыкновенно «Моу-цзы Бобошка» и под этим именем он был известен по всей тайге, от границ Кореи до Сунгари.

Одевался он во что придется: то увидишь на нем китайскую курму и наколенники; то русскую поддевку и лакированные сапоги; то енотовую монгольскую шапку; то шеголеватый суконный картуз; то, на ногах – дырявые опорки и на плечах – рваный китайский халат. С хунхузами он ладил и жил с ними дружно; они его не трогали, зная его достоинства и недостатки, и, отчасти, побаиваясь.

В тайгу он всегда ходил один и не любил товарищей-компаньонов. Только для меня он делал исключение, ввиду некоторых услуг, оказанных ему мною. Таков был Моу-цзы Бобошка, с которым мне пришлось так неожиданно встретиться в тайге, при необычайных обстоятельствах.

О различных эпизодах из его богатой приключениями жизни можно было бы рассказать многое, но мы остановимся только на некоторых из них.

Иногда, раскаявшись в своих грехах и в порыве благих намерений, Бобошин приносил мне на сохранение деньги, подчас значительную сумму, просил не давать ему их в течение двух, трех месяцев; при этом он говорил, передавая мне тряпицу, в которую деньги были завернуты:

«Вот, Пенсне! Спрячь деньги и не давай мне ни за что и ни под каким видом, даже если я буду просить! Убей меня, но не давай!»

После этого, обыкновенно, приятель мой исчезал надолго; где он пропадал, – не знаю, но вероятно, в тайге, на промысле. Через два или три месяца он являлся ко мне под легким хмельком и со сконфуженным видом просил отдать ему деньги, говоря на мои возражения и протесты, что «все равно пропадать, – пить или не пить! Лучше уж пропадать пьяному!»

Как я ни старался отделаться от него и внушить ему все неблагоприятное его поступка, из этого ничего не выходило, и, в конце концов, он выуживал у меня все сданные деньги по частям, конечно, проживая их без остатка; при этом он становился так жалок и возбуждал такое сострадание, что я не сдерживал своего обещания и отдавал ему все деньги.

Меня он называл «Пенсне», по той причине, что я всегда носил этот прибор на носу по большой близорукости. Вообще, всех он называл на «ты», не признавая «вы». Как и мне, многим он давал свои прозвища, иногда очень меткие и остроумные. По своему характеру, несмотря на внешнюю грубость и суровость, он был чрезвычайно мягок, деликатен и добр. Как говорили про него товарищи, он «мухи не обидит», и это была суцая правда.

Известно было несколько случаев, когда он отдавал все, что у него было, нуждающемуся, все равно, будь то русский, или китаец, чем он и заслужил общую любовь и расположение. Между приятелями, к сожалению, находились и такие, которые эксплуатировали этого бога-

тыря-ребенка, пользуясь его добродушием, незлобивостью и откровенностью. Должно быть, это в порядке вещей, т. к. типы эти цинично заявляли: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал!»

Бобошин был женат, но семья его осталась на родине в Забайкалье, и Акиндин никогда о ней не вспоминал. К женщинам он относился резко отрицательно.

Когда я познакомился с Бобошиным, семья моя оставалась в России и охотник часто приходил ко мне, иногда жил у меня в течение недели и более, и мы совершали с ним охотничьи экскурсии в тайгу. Бобошин считал меня одиноким и привязывался ко мне все более и более. В свою очередь, и я привязался к этому гиганту-ребенку, открывая в нем все новые и новые достоинства.

Жили мы с ним душа в душу, и я начал замечать, что Акиндин меньше пьет и интересуется книгами, которые я давал ему читать. Особенно занимало его чтение народных сказок, басен Крылова и «Записок Охотника» Тургенева.

Так шло время.

Приехала ко мне семья из России. Бобошина не было, он ушел в тайгу и пропадал там более двух месяцев. В ноябре он появился на станции и пришел ко мне, по обыкновению, не зная о возвращении моей семьи.

Войдя в переднюю, он крикнул, как всегда, своим зычным голосом:

«Пенсне! Здравствуй! Я принес тебе мяса, возьми!»

С этими словами он подошел ко мне, пожимая своей огромной рукой мою руку у локтя. Выражение его лица было задорное и веселое, его громоподобный голос и звучный смех наполняли всю комнату, так что стекла в оконных рамах дребезжали. Но, разговаривая с ним, я заметил, что выражение его лица изменяется, веселость пропадает, уступая место недоумению и растерянности. Немного погодя, он начал всматриваться в мои глаза и пристальный взор его омрачился; он что-то понял и сообразил, молча и с упреком пронизывая меня острым, испытующим взглядом своих карих, глубоких глаз.

«Пенсне! – начал он – Да никак у тебя, баба!? Я сразу почувствовал это, как только вошел сюда! Ну, прощай! Я иду!»

Произнеся это, Бобошин круто повернулся кругом и быстро направился к двери. Я бросился за ним, стараясь его удержать объясняя, что ко мне приехала семья, что не может повлиять на наши отношения; но все напрасно.

Только на пороге он повернул ко мне голову и сказал, стараясь сдержать свое волнение:

«Пенсне! Брось! Ей-ей, брось!»

Я стоял у крыльца на улице, ошеломленный и звал его вернуться и поговорить, но, куда там; присутствие у меня жены так его напугало, что все старания, вернуть его, – ни к чему не привели.

Отойдя шагов сто, он остановился, посмотрел еще раз в мою сторону, махнул безнадежно рукой и скрылся за поворотом. Долго он не появлялся, что-то около полугода; но потом, совершенно неожиданно, я встретил его в поселке. Вид у него был самый отчаянный: грязный, оборванный и полуголый, он был весь в синяках и кровоподтеках. Меня он узнал еще издали и крикнул полупьяным, хриплым голосом: «Пенсне!» Он валялся посреди улицы и неистово ругался с проходящими мальчишками. При помощи этих же мальчишек мне удалось его поднять на ноги и привести к себе домой.

Впоследствии, мы снова часто ходили с ним в тайгу и промышляли зверя, причем свое мнение о «бабах» он высказывал очень сдержанно, и уже не так непримиримо.

К деньгам и материальной выгоде относился он совершенно равнодушно. Деньги интересовали его, как возможность выпить. Бескорыстие его и безупречная честность, проявлялись не раз во время нахождения его на военной службе. Так, будучи послан начальником участка службы пути, с крупными деньгами, со станции Шаныши на Ханьдаохэцзы, он подвергся напа-

дению шайки хунхузов в 10 человек. Отстреливаясь и тяжело раненный, он вынес тяжелый мешок с золотом на станцию и отказался даже от награды. В мешке было около 10 тыс. золотую монетой.

Иногда у Бобошина на руках было до 10–12 тыс. рублей, и ни одна копейка не пристала к заскорузлым, сильным рукам его. В те времена Бобошин совершенно ничего не пил, очевидно, сознавая всю ответственность.

В тайге и на охоте по зверю это был незаменимый и верный, компаньон, готовый пожертвовать своей жизнью ради спасения товарища.

Я знаю случаи, как нельзя более подтверждающий эти его высокие духовные качества.

В конце декабря компания промысловиков, состоящая из трех человек, преследовала раненного тигра. В каменной россыпи горного хребта тигр устроил им засаду и неожиданно бросился на одного из охотников, подмяв его под себя. Стрелять не было никакой возможности, так как риск попасть не в зверя, а в человека, был слишком велик. Бобошин, шедший вторым, передает винтовку заднему и, выхватив нож, бросается на тигра.

Расвирепевший зверь оставляет свою жертву и одним ударом могучей лапы валит на землю Бобошина. Начинается между ними борьба и охотник, несмотря на тяжелые раны, причиненные когтями хищника, успевает распороть ему брюхо своим коротким финским ножом. Тогда третий охотник, видя критическое положение Бобошина, удачно пускает разрывную пулю в голову разъяренного агонизирующего зверя.

Бобошин получил глубокие поранения на плечах и груди, второй же охотник отделался царапинами и переломом ключицы.

Все свои подвиги он ставил ни во что и из присущей ему скромности никогда о них не говорил. Вероятно, он считал, что это в порядке вещей и не заслуживает даже похвалы.

Мировоззрение этого таежника было оригинально. Стоя близко к природе и черпая у нее свои физические и духовные силы, он подчас поражал своими познаниями, меткими, определенными с глубокими мыслями. Как-то, бродя по звериным следам в главном хребте Лао-лина, мы остановились на большом перевале, отделяющем бассейны верховьев Сунгари и Муданцзяна. На юге – темная, словно туча, конусообразная вершина Та-ту-динцзы. На запад и на восток, как морские волны, уходили сине-фиолетовые лесистые гребни горных хребтов, теряясь в туманной дали горизонта. Мы с Бобошиным долго стояли на высоте, любясь открывшейся перед нами панорамой.

– Пенсне! А, ведь, это ж красота, черт возьми! – произнес, наконец Бобошин, указывая рукой на этот безбрежный океан первобытных лесов. – А знаешь ли, что я тебе еще скажу! Ведь, я тут хозяин и никто другой! Ты думаешь, я беден? Ничего подобного! Я не нищий! Я – богач! Здесь пасутся бесчисленные стада моей скотины: кабанов, изюбрей оленей и коз! Я беру из своих стад, сколько захочу зверя! Податей никому не плачу. Никому не подчиняюсь и знать никого не знаю! Все, что ты видишь, мое!

Голос великана звучал, как труба, и в чистом морозном воздухе горных высот и, отражаясь в глубоких ущельях Та-ту-динцзы, замирал вдалеке, вызывая многократное эхо. Вся фигура великана, резко обрисовываясь на фоне тайги, засыпанной снегом, вполне гармонировала с дикой, прекрасной природой и, казалось, дополняла ее, как-бы составляя с ней одно целое.

Таков был старый таежник – промысловик, Акиндин Бобошин, известный на северо-востоке Маньчжурии зверобой, прозванный китайцами «Моу-цзы Бобошка», «Лян-те-ли» – за свой гигантский рост.

Тихая таежная ночь плыла над землей. Весело потрескивал наш костерок, бросая снопы красноватых искр. Бобошин сидел рядом со мной, подобрав под себя свои огромные ноги, обутые в оленье мокасины, и с особым причмокиванием пил ароматный чай в прикуску.

После полуночи хунхузы засуетились и, быстро собравшись в поход ушли так же неожиданно, как появились, потонув во мраке дремучего леса.

Почти всю ночь мы просидели у костра и низкий, грудной голос Бобошина, как шмель, гудел под сводами старого дуба.

Под утро, пригретый разгоревшимся пламенем костра, я крепко заснул и только под давлением тяжелой руки Бобошина проснулся. Солнце еще не показалось из-за горных хребтов, но было уже светло. Открыв глаза, я увидел приятеля с неизменной носогрежкой во рту. Он собрался уже уходить и огромный мешок виднелся за его плечами.

– Ну, Пенсне! Счастливо оставаться! – произнес он, похлопывая меня по спине своей тяжелой десницей, иду на Хантахезу: как-бы панты не прокисли! Прощевай! На обратном пути, однако, загляну к тебе.

Вскоре высокая фигура его замелькала среди дубняков и исчезла в глубине распадка.

Я остался один и занялся ремонтом своего шалаша, ввиду предполагаемого дождя. Вершины Лао-лина заволокло тучами. Начинало парить. В неподвижном воздухе чувствовалась гроза...

Накрыв шалаш снопами свежескошенной травы и не заботясь более о предстоящей грозе, я залез под уютный кров своего таежного вигвама и снова забылся в крепком, беззаботном сне.

К полудню разразилась гроза. Дождь лил, как из ведра. Сквозь сон я слышал трескучие раскаты грома и мне казалось, что среди этих грозных звуков разбушевавшейся стихии я слышу густой бас своего приятеля, Бобошки, и вижу его колоссальную фигуру на горном перевале Лао-лина.

Легенда дремучего леса

Была весна. Тайга одела уже свой пышный зеленый убор. Чистый горный воздух, напоенный ароматом цветущих растений, вливался в грудь животворящей волной. Дышалось легко и свободно, и казалось, что вздымается широкая грудь исполинов-сопок и вся окружающая прекрасная природа наполнена этим дыханием жизни и стихийным стремлением к теплу, свету и солнцу.

После утомительного перехода через крутой, скалистый хребет Лянзалин, мы со стариком Ли-саном спускались по едва заметной зверовой тропе в долину реки Лянцыхэ, где приютилась у высоких прибрежных скал убогая и древняя фанза зверолова, служившая нам всегда пристанищем во время скитаний по дремучим кедровникам этого пустынного и дикого края. До фанзы было еще далеко и выйдя на берег горной красавицы Лянцыхэ, расположились под темным шатром развесистых ветвей старой ели. Прислушиваясь к шуму бурных волн, лежа на мягком ковре молодых трав мы глядели в ясное голубое небо, просвечивавшее между ветвей тёмно-зелёной хвои. Старый Лисан нес на своей, сторбленной жизнью и летами, спине тяжелую ношу, в виде пудового мешка муки, фляги с бобовым маслом и других продуктов, купленных им на ст. Ханьдаохэцзы. Вес этого груза был не менее полутора пудов, но старый таежник с удивительной легкостью шагал по крутым лесным тропам, без признаков видимого утомления, только, от времени до времени, он останавливался, вытирал грязным полотенцем пот, катившийся по лицу и шее, и раскуривал свою длинную трубку, набивая ее самодельным табаком из кожаного кисета, висевшего у него на поясе. На вид ему можно было дать лет 45, но, на самом деле, возраст его превышал эти года лет на 20. Моложавость эта объясняется постоянной жизнью на лоне природы, где физические и моральные силы человека не растрачиваются так, как это мы наблюдаем среди культурных людей, в условиях искусственно созданной обстановки. По существу, этот шестидесятилетний зверолов был еще молодым, жизнерадостным человеком, удивительно крепким физически и духовно. Таково влияние природы на человека! Но, к сожалению, общественные условия жизни многих миллионов людей настолько ненормальны и далеки от нее, что у современного человечества явилось опасение вырождения и вымирания не только отдельных лиц, но даже целых наций. Эти ненормальные условия жизни, в связи с недостатком воздуха, питания и переутомления, являются серьезными вопросами современных социальных учений и многие лучшие умы работают над разрешением этой проблемы, с целью облегчить положение и участь тружеников, лишенных возможности вести более нормальную жизнь, присущую человеку и предназначенную, ему самой природой.

Такие отвлеченные мысли бродили в моей голове, когда я наблюдал за старым своим приятелем Ли-саном, сидевшим на корточках у самого берега реки и занятым полосканием своего грязного полотенца, скорее похожего на тряпку. Окончив эту процедуру, старик снял свою грязную, засаленную рубашку и принялся обтирать холодной, как лед, водой свои руки, шею, плечи и грудь, причем я не мог не восхищаться его крепкой мускулатурой и стройными линиями его юношески-упругого тела.

Вечерело. Солнце, стоявшее еще высоко, склонялось к западу, и из тайги повеяло прохладой и особым ароматом наступающей ночи. Жара спала. Огромные хвостатые бабочки, с темно-синим отливом крыльев, порхая над цветами сирени, медленно проносились вдоль реки, одна за другой, исчезая в прибрежных зарослях.

Вставать не хотелось. Все располагало к лени и бездействию и тело просило покоя.

По окончании омовения. Ли-сан закурил, свою трубку и стал собираться в дальнейший путь. Я нехотя поднялся и, следуя благоразумному примеру своего приятеля, также приготовился к походу.

В это время со стороны реки раздался голос какой-то птицы. Он звучал громко, как флейта, и по временам становился похожим на человеческий. В звуках его было всего четыре ноты. Крик этот повторялся часто, через небольшие промежутки времени, и доносился откуда-то сверху, где темнели на фоне голубого неба кудрявые вершины гигантских кедров. На мой вопрос, что это за птица, Ли-сан ответил:

– Это птица Цяор! Если хочешь, я расскажу тебе о ней нашу таежную легенду, которую передавал мне мой отец, когда я был ростом не выше пояса.

Я с радостью согласился. Мы уселись с ним на обрывистом берегу реки. Внизу, под нами, бурлила и пенилась по камням беспокойная Лянцзыхэ. Раскурив свою трубку, старый зверолов начал повествование о той таинственной птице, крик которой раздавался в тишине дремучего леса, будя далекое горное эхо.

– В далекие, далекие времена жил в Нингуте старый Ван-га-го. Было у него два сына: старший Лиу и младший Кон-гуль-точу. Отец был беден и не мог прокормить свою семью, а поэтому братья каждое лето уходили в леса Шу-хая, искать и добывать в горных речках золотой песок, а в конце лета бродили по тайге, в поисках драгоценного женьшень, чем и поддерживали семью, облегчая труды престарелых родителей. Братья были очень дружны и крепко любили друг друга. Никогда они не разлучались, росли, играли и работали всегда вместе. В поисках женьшень они также никогда не расходились поодиночке; но, однажды, во время отдыха на берегу лесного ручья, старший брат Лиу вспомнил, что на предыдущей остановке, недалеко отсюда, он забыл свою любимую трубку, подарок отца. Не долго размышляя, он встал и пошел искать свою трубку, велел брату ожидать его возвращения. Прошло много часов с тех пор, как ушел Лиу; в тайге повеяло уже вечернею прохладой и густые тени легли по склонам лесистых сопок. Лиу не возвращался. Обеспокоенный Кон гуль-точу начал звать своего брата, предполагая, что он сбился с пути и потерял направление, но ответа не было, только горное эхо вторило ему и откликалось многократно в далеких ущельях. Наступила ночь и злые духи гор и лесов покинули свои убежища, нарушая тишину дикими криками и хохотом. Кон гуль-точу не был труслив и смело шел по тайге, пробираясь через заросли, скалистые хребты гор, через болота и трясины, в надежде найти любимого брата. Но все напрасно. Всю ночь бегал по тайге Кон гуль-точу, изорвал в клочья свою одежду; шипы и колючки чертова дерева вонзались в его тело.

Израненный и изможденный, он бежал все дальше в глубь дремучего леса и звал, громко крича: «Лиу! Лиу!» Но ответа не было. Наступил день и Кон-гуль-точу в отчаянии ломал себе руки и просил всемогущего духа отдать ему брата! Он плакал и рыдал, падал на землю, царапая ее ногтями, и все призывал своего брата. Несколько дней он бегал по лесу и вдруг с невыразимой ясностью почувствовал, что никогда, никогда не найдет своего брата и невыразимая тоска вошла в его сердце и затуманила его мозг. Он стал призывать горного духа и просил у него смерти, так как жизнь без брата была для него невозможной. В это время вышел из чащи горный дух в образе тигра и растерзал бедного Кон-гуль-точу и душа его, освободившись от тела, улетела в тайгу, в поисках души Лиу. Добрые духи гор и лесов сжалились над душами любящих братьев и превратили их в птиц. С тех пор, раннею весною, когда в тайге зацветает ландыш, раздаются крики двух птиц. Это братья Лиу и Кон-гуль-точу, летают по лесам и зовут друг друга. Голоса их тоскливо звучат в тишине вечерней и утренней зари, нагоняя суеверный страх на обитателей тайги.

В лесу, действительно, тоскливо раздавалось: «Кон-гуль-точу» и где-то вдалеке кричала какая-то птица: «Лиу! Лиу!».

– Если ты вздумаешь пойти за этой птицей Цю р. – продолжал Ли-сан, – с целью посмотреть ее или убить, – она заведет тебя в такие дебри, что ты заблудишься и попадешь в лапы горного духа тигра. Она знает, где растет женьшень и поведет тебя к нему, но знай, что корень этот охраняет тот же дух и он тебе не отдаст его даром: ты заплатишь за него своей жизнью.

Так поучал меня старый зверолов Ли-сан, а вдаль перекликались эти таинственные птицы и казалось, что в голосе их было что-то человеческое, так мало он походил на птичьи крики.

– Кон гуй-точку! – заливалась одна звучною флейтой в вершине старого кедра.

– Лиу Лиу! – отвечала ей другая из глубины темнеющего леса.

Заинтересовавшись этими птицами, впоследствии я много лет подряд старался их добыть для орнитологической коллекции, но все попытки мои не привели ни к чему, так как подойти к птице почти невозможно: крик ее слышен далеко, за 1–2 километра; сидит она, обыкновенно, на вершине высочайшего кедра или тополя; на выстрел она не подпускает, слетает и начинает кричать опять за четверть или полкилометра. Крик ее слышен только весной, в конце апреля и мае, в остальное время ее не слышно. Вероятно, это – время гнездования. Птица эта принадлежит к числу прилетных, т. е. гнездящихся у нас только летом. Водится она только в Гиринской провинции, в Южно-Уссурийском крае и в Корее. Где проводит зиму – неизвестно. Китайцы называют ее «Цяор». Видеть ее мне удавалось только на далеком расстоянии, в бинокль. Величиной она с сороку: оперение пестрое; хвост длинный. Может быть весной птицы эти живут парами и крик самца отличается от крика самки, а может быть – это два различных вида. Интересно было-бы добыть эту птицу, еще неизвестную науке, для нашего края. Держится она в больших лесах, преимущественно в хвойных и смешанных. Мистически настроенные китайцы-таежники ни за что не соглашались добыть для меня эту птицу, веря, что в ней пребывает душа заблудившегося человека. Когда я однажды прицелился из винтовки в птицу, сидевшую на верхушке сухого кедра, бывший возле меня зверолов отвел дуло в сторону, со словами: «Не надо! Пу-син!» Впоследствии, я два раза стрелял в птицу из винтовки, на расстоянии 300–400 шагов, но разумеется, не попал: слишком уж мала была цель.

Солнце совсем уже село, когда мы с Ли-саном поднялись с места и двинулись по тропе, направляясь вверх по течению Лянцыхэ. Зверолов шел впереди меня; во рту его дымилась неизменная трубка и деревянные рогульки с тяжелой ношей покачивались на его спине из стороны в сторону.

В тайге было совсем темно, но каменная гряда на водоразделе Лао Лина, освещенная последним отблеском вечерней зари, розовела на фоне темно-синего неба.

В кустах и прибрежных зарослях мелькали фосфорическим светом светляки, отражаясь в бурных волнах реки мигающими бликами. Долго еще слышны были тоскливые голоса неведомых птиц, пока дремучая чаща не поглотила их в бездонных недрах.

Ли-сан молчал всю дорогу и только иногда тяжело вздыхал под грузною ношей. Шаг его все так же был быстр и размерен и усталость не ослабила его железных мускулов. Я шел за ним налегке, но чувствовал, что ноги мои утомлены и требуют отдыха. Тропинка вилась по самому краю обрывистого берега и ее контуры едва только намечались, так что приходилось ориентироваться на темную фигуру зверолова, на спине которого белым пятном выделялся мучной мешок, служивший мне путеводным светочем, в непроглядном мраке таежной пустыни.

Вверху, кое-где, между темными ветвями великанов леса, мерцали и искрились звезды. Уханье филинов, заунывные крики сов и голоса зверей раздавались в глубине тайги, как стихийный призыв к жизни вечно юной бессмертной природы.

Я долго не мог отделаться от впечатления, произведенного на меня рассказом старого зверолова, и в ушах у меня звенели необычные голоса таинственных птиц маньчжурской тайги.

Дикий охотник

Наступила золотая осень. Однообразный зеленый наряд тайги запестрел всеми цветами радуги: не цветы, а листья загорелись яркими, самоцветами, оттеняя зеленые фоны глубины лесов. Огненно-красные, малиновые, белые, розовые и бурые пятна выступили на темной зелени сопки и, расцвеченные ими, стояли горделиво, как огромный пышный цветник. Горный воздух, чистый и прозрачный, напоен был запахом увядающей растительности, созревших ягод и плодов тороватой тайги. Мягкие контуры далеких хребтов подернулись фиолетовой дымкой, и зубчатые вершины гор, под лучами яркого солнца, горели серебром и золотом в синеве безоблачного неба.

Мы быстро подвигались по зверовой тропке к северу от разъезда Шихо, направляясь к зимовью охотника-промышленника, в надежде поохотиться там на изюбрей.

Течка у этого зверя начинается с 10 сентября и оканчивается в двадцатых числах того же месяца: в это время производится охота на рев. Сущность ее состоит в следующем:

Охотник, искусно подражая реву самца-изюбря, приманивает его к себе и бьет из винтовки. Для подманивания употребляется обыкновенная труба, которая делается из елового дерева, и представляет собой усеченный конус, до 40 см длиной. Толщина стенок трубы 1,5 см, отверстие узкого конца 1 мм, широкого конца 15 см.

Дуть в такую трубу надо, вдыхая воздух в себя и прижимая тонкий конец к губам. Подражать приходится реву молодого изюбря, тогда старый самец отвечает охотно и идет на призыв; молодой же на крик старого не пойдет. Чаще всего изюбри режут на утренней и вечерней заре; тогда все сопки и пади оглашаются их голосами, и звонкое горное эхо вторит им, откликаясь в далеких ущельях. Старые изюбри, вызывая на бой противника, яростно роют землю передними ногами и рогами; бросаются с ожесточением друг на друга, стараясь вонзить острия своих рогов в незащищенные места тела противника. Фехтуют они рогами великолепно, и редко случается, чтобы сильнейший убил слабейшего; обыкновенно последний уступает и спасается бегством, оставляя победителю своих самок. Сильный самец гоняет перед собой стадо самок, от 5 до 8 и даже 12 штук, обращаясь с ними жестоко. На этой охоте необходимо соблюдать тишину, не курить, не кашлять и, кроме того, становиться против ветра, иначе чуткий зверь узнает обман и не выйдет на призыв, некоторые охотники удачно режут в ствол ружья, или же в срезанный ствол зонтичного растения.

Солнце склонялось к западу, когда мы вдвоем с промышленником Бобошиным подошли к его зимовью, расположенному в живописном месте распадка, на берегу быстрой горной речушки, шумно катящей свои кристально чистые холодные струи по узкому каменистому ложу. Рев изюбрей уже начался. Голоса зверей раздавались в тишине наступающего вечера и неслись непрерывающимся гулом с обоих склонов горных хребтов и из глубины далеких падей.

Сбросив с себя лишнюю ношу и вещевые мешки, мы наскоро захватили винтовки с патронами и быстро зашагали вверх, по склону хребта, где слышались голоса по крайней мере пяти изюбрей, перекликавшиеся между собой на небольшой сравнительно площади. Голоса то приближались, то удалялись. То грозные и вызывающие, то жалобные и печальные, они производили сильное впечатление среди этой дикой, величественной природы, в суровых горах и девственных первобытных лесах.

Под крики и вопли зверей мы поднялись на перевал, горного хребта, где остановились на обширной поляне, покрытой пожелтевшею травой, окруженною со всех сторон дубовым лесом. Солнце одним своим краем коснулось зубчатого гребня лесистых гор, и вечерние тени поползли по склонам и вершинам скалистого хребта. Из соседнего ущелья повеяло прохладой. Ближайший изюбрь, старый самец, судя по низкому голосу, находился от нас недалеко, и его то мы решили подманить на трубу моего компаньона Бобошина. Я стал на опушке леса, скрытый

за густым боярышником, а Бобошин расположился немного в стороне от меня, в лесу и начал подражать реву молодого самца. Сначала изюбрь замолк, очевидно его поразили эти звуки, и он стал вслушиваться и соображать. Так прошло минут пять, затем он снова рявкнул несколько раз и замолк. Труба прозвучала еще два раза, и наступила тишина, нарушаемая только далекими голосами зверей и неясным шумом тайги.

Я стал за закрытием, держа винтовку наготове, всматриваясь в темнеющую чащу леса на противоположной стороне поляны. После минутного молчания труба промышленника издала тонкий призывный крик, ему ответил изюбрь густым угрожающим басом, и слышно было его стремительное движение по чаще к зарослям. Зверь приближался, и вот на светло-жёлтом фоне поляны из темного леса показались фигуры зверей. Это были самки; они шли скромно одна за другой, шевеля своими длинными широкими ушами. Выйдя на поляну, они все сгрудились и остановились, насторожившись. За ними, роя землю, с огромными ветвистыми рогами, вышел самец изюбрь и погнал их снова вперед перед собой, угрожая ударами острых рогов. Выйдя на середину поляны самки снова остановились. Их было шесть штук. Все они повернули свои головы в одну сторону, к чему-то прислушиваясь. Повелитель их, наклонив голову книзу и взрывая землю, обошел вокруг и стал перед своим гаремом в гордую позу, подняв прекрасную голову, увенчанную великолепными рогами. Постояв так некоторое время в ожидании, он начал бить землю передними ногами, при чем изо рта его летела в стороны клубами пена, и горячее дыхание вырывалось из раздутых ноздрей, в виде беловатого пара. Он был великолепен в диком гневе и прекрасен, как художественное произведение бессмертной природы. Я стоял очарованный, любовался этой картиной и забыл о смертоносном оружии, бывшем в моих руках. Только, когда злобная труба снова прозвучала в чаще леса, я очнулся и вспомнил о реальной и грустной действительности. Страсть охотника победила мечты художника, грозное дуло винтовки вскинулось вверх, и грянул сухой, как удар бича, выстрел. Пораженный насмерть, зверь метнулся вперед, в надежде сделать гигантский прыжок, но упал на колени и потом грузно свалился на бок, судорожно подергивая задними ногами. Самки растерянно заметались по поляне и скрылись в чаще леса.

Сраженный нами изюбрь оказался крупным самцом, с огромными рогами о четырнадцати концах. Вес его вероятно превышал 200 килограмм, так как поднять его при потрошении нам никак не удалось.

Навалив на изюбря кучу ветвей и листьев (для предохранения от хищников), мы вернулись в зимовье, где и переночевали; а на следующее утро, на рассвете, снова охотились на изюбрей, при чем поменялись ролями: я трубил и подзывал зверя, а Бобошин стрелял и также взял одного старого, самца, с рогами о двенадцати отростках. В тот же день обоих зверей мы отправили на арбах на станцию Хайлин.

Вечером мы снова подманивали изюбрей на том же перевале, но только по другую сторону, так как чуткий зверь слышит запах крови издали и не подойдет к месту, где был убит зверь.

Погода благоприятствовала. Днем выпал небольшой дождь и смочил листву. Ходьба по тайге была легкая, и сырость заглушала шаги, так что можно было подходить к зверю не слышно, не боясь его подшуметь.

Так же, как и в прошлый вечер, Бобошин стал с трубой недалеко от опушки леса, а я засел на конце поляны, замаскировавшись дубовым кустом, не обронившим еще своих засохших листьев. Вечерело, тайга потемнела, и ярко-красный закат предвещал на завтра холод или ветер.

Недалеке, за увалом ревел старый изюбрь, и слышно было, как он бил копытами землю и сбивал рогами сухие сучья с кустов и деревьев. На звуки трубы он отзывался усердно, но не приближался, оставаясь по-видимому на месте. Вдруг, совершенно неожиданно, слева от нас, из зарослей раздался протяжный и тонкий голос молодого изюбря. Старик немедленно

ответил ему густым угрожающим басом и очевидно направился к нему; судя по звукам его голоса, звери от нас находились шагов 400 и приближались друг к другу. Идти на рев было бесполезно, так как легко подшуметь, и мы решили ожидать, пока старик погонит молодого и пойдет в нашу сторону. Молодой изюбрь продолжал реветь то тонким голосом, то опуская звук до басовых нот. Тембр этого голоса был необычайный, хотя походил на изюбровый, но в нем слышалось что-то фальшивое и чужое, странно было и то, что молодой изюбрь ревел и быстро шел на встречу старому; обыкновенно же молодой отзывается на голос старого и стоит на месте, а последний ищет его и приближается к нему довольно быстро. Мы стояли за своими закрытиями, прислушиваясь к реву изюбрей и ждали, когда они сойдутся, и начнется между ними бой. Но вот, внезапно рев прекратился, и наступила тишина. Чувствовалось, что в тишине девственного леса что-то происходит, что-то творится таинственное и грозное. Где-то в далеких палях ревели изюбри, и в непроглядной чаще плакала неясность. Молчание изюбрей продолжалось не более десяти минут. Неожиданно эту торжественную тишину нарушили звуки ломаемых ветвей, какой-то возни и заглушенного хрипа. Затем послышался сдержанный рев, ворчанье, и снова все опять стихло; тайга замерла, как бы прислушиваясь к зловещей тишине, и тихо-тихо, едва слышно шумела, точно прибой волн, далекого моря.

Мы стояли по-прежнему на своих местах, недоумевая и стараясь объяснить себе происходящее. Бобошин тихонько подошел ко мне и прошептал на ухо: – «Пенсне! (он меня всегда называл так) А ведь быка схватила, какая то-нечистая сила! Я слышал его хрип; так он всегда хрипит перед смертью!»

– «Согласен, – ответил я, – и думаю также, что старый бык погиб в когтях хищника. Но какого? Неужели тигра?»

– «Не иначе, как она его схватила. Больше некому, – повторил за мной промышленник и продолжал, – бык то наш. Надо отбить его. Иначе она испортит его и слопаёт!»

Мысленно я был согласен с ним, и, кроме того, хотелось испытать свои нервы и сердце в борьбе со страшным хищником.

Посоветовавшись, мы решили идти к месту, где должен был лежать изюбрь. В тайге было уже темно, хотя западная часть небосклона сохранила еще тусклый отсвет, вечерней зари. У меня был с собой карманный электрический фонарик с большой силой света и с прожектором. Я шел впереди, освещая дорогу. Луч прожектора, пронизывая чащу леса, давал возможность двигаться беспрепятственно. Пройдя шагов двести, мы услышали треск валежника и глухое, сдержанное рычание зверя, обеспокоенного во время трапезы. Остановились. Я поднял фонарик над головой, стараясь осветить впереди лежащую местность. Но ничего не было видно, кроме сплошных зарослей. Не надеясь взять хищника врасплох и все же опасаясь его внезапного нападения, мы сделали по выстрелу в чащу леса. Тайга зарокотала и застонала, как бы жалуясь на нарушителей ее вечной тишины и покоя. После выстрелов зверь отошел от своей добычи, что ясно было слышно по шороху и шелесту листвы.

Пройдя еще шагов двести, мы наткнулись на тушу изюбря. Зверь лежал на правом боку. Голова была откинута назад, и роскошные ветвистые рога упирались в спину. На горле и шее зияли глубокие кровавые раны. Бока изодраны когтями хищника так глубоко, что виднелись ребра. Закушенный язык окрашен запекшеюся кровью. Трава и кусты вокруг были измяты и забрызганы кровью. На мягком глинистом грунте ясно отпечатывались характерные круглые следы большого тигра. Для нас стало ясно, что хищник подманил старого изюбря, подражая крику молодого, и бросился на него, не делая прыжка и схватил его снизу за горло. До нашего прихода тигр успел сожрать порядочный кусок мяса из задней ляжки. Чтобы не потерять добычу, мы решили здесь переночевать, для чего необходимо было заготовить достаточное количество дров. Вскоре два больших костра запылали в лесной чаще, освещая стволы старых дубов и желтую листву кустарников. Мы расположились между кострами у туши изюбря, и всю ночь должны были поддерживать огонь, так как голодный хищник не отходил далеко

и держался на близкой дистанции, удерживаемый только ярким пламенем наших костров. В тишине таежной ночи мы не раз слышали его угрожающее ворчанье, похожее на громкое мяуканье. Для утоления голода и развлечения, мы всю ночь пекли на углях вкусный шашлык из изюбятины, раздражая аппетит грозного владыки тайги. Иногда нам казалось, что хищник подходил слишком близко к нашему становищу, судя по звуку его шагов, тогда мы усиленно разжигали костры, подкладывая побольше дров. О сне думать уже не приходилось, хотя мы и были уверены, что всеильный огонь удержит зверя на почтительном от нас расстоянии. Под утро, как только забрезжил свет, и тени стали прозрачнее, хищник удалился в недоступные каменные трущобы гор и больше не показался. Довольные тем, что нам удалось отбить у тигра славную добычу, мы днем перетащили тушу изюбря в зимовье и спали следующую ночь, как убитые, не слыша ни рева изюбрей, ни диких песен старухи-тайги.

Варнаки

(Очерк)

Слово «варнак» в Сибири общеупотребительно. Этим именем называли обыкновенно беглых с сахалинской и забайкальской каторги, пробирающихся через горы и леса, с востока на запад, за Урал, т. е., на далекую, милую родину, откуда выбросила их карающая рука уголовного закона. Не вдаваясь в критический обзор этого уголовного кодекса и целесообразность его применения, я намерен только в кратком очерке дать наиболее характерные особенности психологии этих «отверженных», с которыми приходилось мне не раз встречаться в диких лесных пустынях Дальнего Востока.

Тяжелые условия жизни среди первобытных дремучих лесов, нелегальное положение и всевозможные опасности выработали особый тип людей, отличавшихся специфическими качествами, как духовными, так и физическими.

В большинстве случаев контингент беглых комплектовался из крестьян и рабочих центральных губерний России, что объясняется, конечно, подавляющей массой крестьян среди общего состава населения. Значительный процент беглых состоял из уроженцев Кавказа, отбывавших каторгу за убийство по адату кровавой мести. Представители интеллигенции редко встречались среди отверженных, так как физические их качества не соответствовали суровым условиям борьбы за существование в бегах.

Наблюдая этих людей не в тюремной обстановке, а на просторе бескрайной тайги, я могу с уверенностью сказать, что большинство этих «несчастных», как называют их в России, не представляло собой уголовно-преступных типов, а являлось жертвой темперамента, суеверия, нравственной неустойчивости, иногда юридических ошибок и отчасти несовершенства современного социального строя.

Конечно, были между ними и зоологически преступные типы антропологического вырождения, но этот элемент рано или поздно погибал из-за своих антиобщественных, преступных наклонностей.

С каторги бежал только тот, кто не мог помириться с ее режимом, убивавшим человеческое достоинство, у кого не умерли запросы свободного духа и не иссякло врожденное стремление на волю, свойственное всякому мыслящему существу. Чувство это стихийное и подчиняет себе волю человека, заставляя его действовать иногда вопреки здравому смыслу и рассудку. Природа человеческая этим выявляет свой протест и возмущение и, ломая все преграды и препятствия, неудержимо рвется на свободу из душных стен тюрьмы и мрачных подземелий каторги.

Самый побег совершался всегда раннею весной, когда, оживала природа, и вместе с ароматом полей и лесов в душу узника вливалось бурною волной непреодолимое желание вырваться на волю, где призывно шумит зеленый лес.

Много беглых погибало в непосильной борьбе с суровыми условиями таежной жизни и только выдающийся по своим физическим и духовным качествам элемент сохранял свою жизнь и мог существовать более или менее продолжительное время.

Душа народа, его мысли, желания и мечты отражаются в его поэзии, в сказаниях и песнях. Много раз приходилось мне слышать эти песни беглых. Они проникнуты печалью, безысходной тоской и жалобой на свою горемычную судьбу и беспросветную жизнь, но в то же время в них чутко подмечены красоты дикой природы и изредка блеснет, как искра в тлеющем костре, богатырская удаль.

В своих передвижениях беглые придерживались таежных районов, где они были обеспечены приютом, топливом и дичью не только летом, но и в суровую зиму, поэтому в песнях

своих они тайгу называли ласкательным именем «Тайга-матушка»; она давала им, как любящая мать, все необходимое для существования.

Остров Сахалин назывался у них «Соколиным островом». Отсюда они предпринимали побеги, причем совершали чрезвычайно опасное плавание через бурный Татарский пролив, отделяющий остров от материка, на утлых челнах, на плотках и даже просто на бревнах, связанных попарно.

Большая часть этих смельчаков погибала в волнах Охотского или Японского моря, куда их относило течением, уцелевшие же, попав на материк около устья Амура, собирались в небольшие артели, по 4–6 человек, и шли тайгой, по известным «варнацким», тропам, на запад, к Байкалу, представлявшему собой также значительное препятствие в пути, так как приходилось переплывать его на плоту, или же в челноке туземца-рыболова.

Бурное озеро немилостиво и неласково встречало беглых и много их погибало в его холодной загадочной пучине. Перебраться через Байкал считалось вторым крупным шагом, после переправы через Татарский пролив.

Песни беглых о Байкале многочисленны, но во всех звучит жалоба на его жестокость и злобу, и просьба помиловать бедных сиротинушек. В сказаниях народных это озеро-море называется «святым», варнаки же называли его «Байкал-батюшка», сравнивая его с суровым и немилостивым стариком-отцом. Крики многочисленных чаек, раздававшиеся над бурными волнами озера, напоминали беглым плач и стенания родных сестер, при отправлении в далекую каторгу. Тоска по отчему дому и семейному очагу затрагивала лучшие струны души беглого и заставляла их звенеть чистыми, как кристалл, звуками.

Немногие решались обойти Байкал с юга или с севера, так как там ждала их почти верная смерть от пули кордонного стражника или туземного охотника. Последний охотился на белого, как на зверя, чтобы попользоваться лохмотьями его одежды и обуви, или запасами хлеба, полученного от сердобольных жителей попутных деревень, снабжавших несчастеньких одеждой и кое-каким продовольствием. Охота на беглых называлась здесь «охотой на горбачей», так как варнаки несли свои пожитки в мешках за спиной.

Иногда беглым удавалось раздобыть себе ружья у бродячих инородцев, но это доставалось всегда ценой человеческих жизней. Оружие давало возможность варнаку существовать охотой на крупного зверя и не бояться встречи с вооруженным туземцем.

В конечном результате, после многолетних мытарств и скитаний по тайге, беглому иногда удавалось достигнуть земли обетованной, т. е. милой его сердцу родины. Он попадал к себе домой, виделся с родными и друзьями, но здесь положение его становилось тяжелым и невыносимым. Его нелегальное существование подвергало всех его родных и знакомых юридической ответственности; скрываться не было уже возможности, и беглый, скрепя сердце, должен был расстаться с родиной и снова бежать, куда глаза глядят, скитаясь по белу свету, пока случай не выдавал его властям, или он сам добровольно не являлся в полицию, в качестве «Ивана Непомнящего».

Такие добровольцы ссылались обыкновенно в Сибирь на поселение и жили там до нового побега. В большинстве случаев побеги повторялись многократно, и новая весна гнала беглецов в тайгу, под ее надежную защиту. Некоторые беглые поздней осенью добровольно возвращались в тюрьму, проводили там зиму, а весной уходили опять бродяжить на все лето, до наступления морозов; и так до бесконечности тянули они свою жизнь, пока избавительница-смерть не исключала их из списков «Непомнящих».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.